

Эльсан Алари

ЛАНДЫШ НА КРОВИ

В тебе нет огня,
нет чистого побуждения.
В тебе лишь пустота

Эльсан Алари

**Ландыш на крови. В тебе
нет огня, нет чистого
побуждения. В тебе лишь пустота**

«Издательские решения»

Алари Э.

Ландыш на крови. В тебе нет огня, нет чистого побуждения. В тебе лишь пустота / Э. Алари — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-500674-5

Саша Браницкий — избалованный сын олигарха. Он глуп и жесток по отношению к тем, кто не может похвастаться наличием материальных ценностей в своей жизни. Саша коротает время в праздности и однажды совершает убийство незнакомого человека. Ему не грозит наказание свыше, зачатки совести слишком слабы. Время течет в привычном русле до того момента, как одним дождливым вечером на пороге его дома оказываются двое незнакомцев. Встреча с ними превращает жизнь Браницкого в тягучий кошмар.

ISBN 978-5-00-500674-5

© Алари Э.
© Издательские решения

Содержание

Эльсан Алари	6
«ЛАНДЫШ НА КРОВИ»	7
I	8
II	13
III	17
IV	22
V	24
VI	27
VII	29
VIII	31
IX	34
X	36
XI	38
XII	40
XIII	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

**Ландыш на крови
В тебе нет огня, нет чистого
побуждения. В тебе лишь пустота**

Эльсан Алари

Дизайнер обложки Варвара Толчеева

Редактор Ирина Костюк

© Эльсан Алари, 2019

ISBN 978-5-0050-0674-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Эльсан Алари

«ЛАНДЫШ НА КРОВИ»

*На жизнь земную не имеет права
Тот, в ком творят лихое заодно
Ум, злость и сила.*

Данте Алигьери «Божественная комедия»

I

Александр Григорьевич Браницкий пребывал в состоянии беспокойного сна. Полуденное солнце ласкало его белоснежное тело, утопавшее в массе подушек и одеял из черного шелка. Лихорадочный вихрь блуждающего сознания являл ему короткие сценки, пережитые за минувшие сутки.

День рождения парень отметил с размахом. Элитный ресторан закрыли от посторонних, предоставив подросткам полную свободу действий. Шампанское лилось рекой, постепенно уступив место более крепкому алкоголю. Столы ломились от экзотических яств, среди которых затесалась фуа-гра. Увидев ненавистное с детства блюдо, уже нетрезвый Саша прямо рукой схватил малоаппетитный кусок и швырнул его в стену. Мягкая субстанция противно размазалась по зеркалу, вызвав одобрителный хохот у собравшихся гостей.

Тогда лучший друг Влад Кошелев последовал его примеру и начал метко пуляться креветками, которые забавно отскакивали от твердой поверхности, разбрызгивая горячий сок. Красноватая жидкость попадала на платья и лица хихикавших девочек, которые начали визжать и разбегаться в стороны. Убегая, они спотыкались на высоких каблуках и прикрывались маленькими сумочками. Парни же задорно улюлюкали, присоединившись к Браницкому и Кошелеву.

Вскоре практически все горячие и холодные закуски оказались где угодно, но никак не на столах. Рубашка Саши утратила свой белый цвет, напоминая теперь холст не особо талантливого импрессиониста, все лицо его было перепачкано томатным соусом. Влад же был весь усыпан салатом, но это отнюдь не испортило его настроения, он подмигнул Саше и похлопал его по плечу:

– Разогрев отличный, теперь можно и главного гостя встречать.

Саша наморщил заляпанный лоб и сплюнул на пол:

– Кого еще ждем? – он схватил бокал с ближайшего подноса и сделал глубокий глоток.

Владик похабно расхохотался, в его маленьких бегающих глазах отражалось предвкушение:

– Ну как же, того, кто раскачает этот свинарник, – он приобнял Сашу за плечо, увлекая к пустующей сцене. – Для кента ничего не жалко! Автограф вне очереди!

Свет в зале ненадолго погас, а затем вспыхнул снова, явив фигуру небезызвестного рэпера. Толпа взорвалась единым восторженным воплем. Правда, женский сучий визг звучал гораздо громче и выразительнее – воистину королевский праздник! Золотые дамы теснили простолодюнок и наступали им на ноги лакированными туфлями.

Мужчина на сцене поднял руку в приветственном жесте, вызвав вторую волну крика обезумевших подростков: «Погнали!» Зал разорвало громогласное звучание знакомой всем мелодии, толпа взревела в ответ. Шоу началось!

Его отголоски все еще отдавались в ушах Александра ритмичными битами, и световое представление так и не отпускало его одурманенное сознание. Он продолжал недовольно бурчать, ощущая как жирная помойная муха, ползет по его оголившейся нежной пятке. Он взбрыкнул ногой и дернулся, чувствуя нарастающее раздражение от омерзительного чувства, что какое-то грязное насекомое беспрепятственно проникло в его комнату. И мало того, что проникло, а еще имело наглость нарушить покой самого Александра Григорьевича Браницкого. Дрянь-то какая!

Перестав ворочаться, он вытянул левую руку и начал обшаривать прикроватную тумбу. Его тонкие белые пальцы ловко ухватились за край холодного стакана, который был наполнен лимонным напитком. Кубики льда еще не растаяли, значит, его принесли совсем недавно.

Он погладил прохладную поверхность стекла, цепляясь ногтями за гравированные выпуклости, осознавая, что уже проснулся, и встреча с реальностью неизбежна. Кряхтя, юноша вынырнул из-под одеяла, и сразу зажмурился. Невозможно яркий дневной свет немилосердно пробивался из расщелины между шторами и резал по чувствительным с похмелья глазам Александра. Сморщившись, словно щенок шарпея, он сделал попытку принять вертикальное положение, что, впрочем, ему удалось с первого раза. Приподняв корпус, Саша уселся на кровати, низко опустив голову и чувствуя, как перед глазами расплываются темные круги, а мозговая субстанция перетекает куда-то вниз.

«Отврат», – тоскливо подумал он и тупо уставился перед собой, разглядывая причудливую лепнину на стене, изображавшую какую-то футуристическую муть: «Искусство и есть отврат, – прохрипел он уже вслух, – срал я на ваше искусство».

Снова ухватив стакан, он блаженно прижал его к виску и замычал что-то. Сделал жадный глоток и снова сморщился от ощущения едкой кислоты во рту – сегодня не подсластили.

Такое пренебрежение к чувствам вчерашнего именинника привело его в раздражение и вызвало горячее ощущение злой обиды. Все его естество воспротивилось такому повороту событий, комок ярости сжался где-то в области горла и был готов вот-вот разорваться. Саша и думать забыл о головной боли и бесполезном искусстве, сейчас он точно знал, что должен сделать.

Он расположился среди бесчисленных подушек и попытался придать своему опухшему лицу максимально скучающе-деловой вид. Этому приему он научился у Влада, когда тот пригласил баночку с живыми опарышами в китайский ресторан и накидал их себе в еду. Затем он спокойно подозвал официанта и с видом интеллигента спросил у того, почему они так плохо прожарены.

Ох, как долго они потом смеялись, вспоминая лицо бедолаги азиата, которое из желтого стало оранжевым, затем как-то посинело, а уж потом позеленело. А глаза халдей вытаращил так, как для его расовой принадлежности вообще анатомически невозможно. В общем, тогда-то Саша и понял, что главный залог успешного образа – это мимическая скупость, так, по крайней мере, сказал ему умный Владик. В данный момент Саша решил, что пришло время для нового сеанса актерской игры.

Он прочистил горло, чтобы своим сиплым с похмелья голосом не опозорить самого себя. Несколько секунд молчал и вдруг, ни с того ни с сего, заорал так, что несчастные голуби, дремавшие на перилах балкона, испуганно вспорхнули и улетели от греха подальше.

– ЗИНА-А-А-А! ЗИНА-А-А! ЗИНАИДА-А-А!

Прокричав еще несколько раз имя презираемой экономки, он замолчал и принялся ждать, мысленно отсчитывая секунды до того момента, когда появится женщина. Когда в его уме он досчитал приблизительно до 36, в коридоре послышался торопливый топот кривоватых мясистых ножек.

Затем в дверь осторожно постучали, и Саша снова крикнул: «Входите!»

Резные двери распахнулись, впуская невысокую женщину неопределенного возраста; кто-то с уверенностью говорил, что ей явно за сорок, а другой видел в ней еще молодую девушку лет так двадцати семи. Она резво прошмыгнула в комнату и замерла, словно суслик, испуганно глядя на молодого хозяина.

До нее не сразу дошло, что Александр Григорьевич лежит обнаженный, словно бог Дионис, только вместо чаши вина у него в руке стакан лимонного фреша. И прикрыт он не тойгой, а краем простыни.

Зинаида пискнула и опустила глаза в пол, от корней её рыжеватых волос расплывалась краснота, а пухлые руки беспокойно теребили дурацкий синий фартук.

– Здравствуйте, дорогая Зинаида Валерьевна, – театрално начал Саша, с особым придыханием произнося имя женщины. – Так рад вас видеть!

– С добрым утром, А-а-лександр Г-г-ригорьевич, – запищала она своим мерзким мышинным голоском.

Александр приподнялся и облокотился на правую руку, придерживая голову, а левой продолжал поигрывать со стаканом. Его скучающий взгляд вновь устремился к уродливой лепнине, которая находилась за спиной женщины.

– Пододвиньтесь к окну, Зинаида, обзор загораживаете.

Она неуклюже посторонилась, все еще сжимая ткань передника. Саша какое-то время рассматривал непонятные геометрические изображения, силясь найти в них какой-то смысл, как советовала мать. Хотя за несколько минут унылого созерцания кривых треугольников и кружков, он так и не проникся идеей создателя всего этого, который слишком уж быстро закончил свое дело. Едва получив гонорар, синьор Ballerinni улетел в родной Милан первым же рейсом, а семейству Браницких предстоял долгий и мучительный анализ очередного творения современного зодчества.

Вспоминая об этом, Саша вновь обратил внимание на Зинаиду, явно пытавшуюся слиться с интерьером, что у нее неплохо получалось, потому что цвет её передника очень уж хорошо сочетался со шторами. Все в этой женщине вызывало у него отвращение – от провинциального говора до коричневой бородавки на её щеке. Каждый раз при виде этой маленькой жирноватой бабёнки, Александр ощущал настоящее презрение и желание выставить её вон, вместе с безвкусными клетчатыми чемоданами, которые она притащила с Киевского вокзала. У него так и чесались руки, схватить её за шкурку и одним броском телепортировать в родной нищий поселок, где ей и полагалось обитать.

Когда он сталкивался с ней, она пугливо отводила мутные глазки и спешила исчезнуть из его поля зрения. В эти моменты Сашу буквально выворачивало наизнанку, просто от одного её нелепого вида – эта дура зачем-то носила идиотскую униформу, в то время, как остальной персонал одевался нормально. А чего стоили её колхозные подштанники, еще более отвратительные, чем отросшие корни грязных волос. Поведение Зинаиды тоже казалось ему непозволительным: с обязанностями она справлялась из рук вон плохо, и вела себя так, словно самые обычные вещи были для неё открытием.

Особенно хорошо помнил он момент, когда пару месяцев назад семейство Браницких в составе трех человек, а точнее Александра Григорьевича, Григория Константиновича и Татьяны Сергеевны, собралось за ужином. В тот вечер они впервые сидели за одним столом после долгой разлуки. Родители вернулись с фестиваля в Рио-де-Жанейро, а Саша успешно сдал выпускные экзамены. Он барабанил пальцами по накрахмаленной скатерти и нервно посматривал на часы, ожидая, когда подадут его любимый десерт зеленого цвета. Тогда он планировал начать разговор с отцом о выборе учебного заведения. Но когда любимая сладость появилась на столе, Саша понял, что здесь кроется какой-то подвох. А заключался он в салом рыжем волосе, вылезавшем как червь из нежного тирамису. Все радостное настроение Саши было вмиг испорчено и есть это он, разумеется, не стал. После того вечера, Браницкий-младший затаил обиду и ожидал дня, когда сможет доказать матери, что юридивым в их доме не место.

И сейчас, он, наконец, испытывал триумф и мысленно хвалил себя за находчивость:

– Ну что же, Зинаида, вы стоите как приведение? Рабочий день только начался, а вы тут застыли, – Саша смаковал каждое слово, почти выплевывая ненавистное имя. В его темных глазах скользило пренебрежение, несмотря на то, что парень все еще находился в лежачем положении, ему удавалась смотреть на нее будто сверху вниз.

– Так вы меня вызвали с-с-юда, – заикаясь, ответила экономка, уставившись в пол. – Вам что-то понадобилось? М-м-огу кофей принести...

Саша прикрыл глаза и сделал глубокий вдох:

– Не «кофей», а «кофе», потрудитесь запомнить, наконец. И не рассказывайте больше о том, как вы «ложите» мои вещи... *****, как мерзко слышать это!

Женщина виновато икнула, и, поднеся руку ко рту, начала лепетать, что такого больше не повторится.

– Конечно, не повторится, – недобро усмехнулся Александр, откинул простынь и грациозно перетек на пол. Ступив босыми ногами на мягкий ковер, Саша смачно потянулся и хрустнул шейными позвонками. Держа бокал, он прошлепал в сторону сжавшейся Зинаиды и встал перед ней, приняв героическую позу.

– Как вы думаете, что это? – он пихнул ей лимонную отраву под нос.

Та задрожала и косо взглянула на содержимое стакана:

– Это я вам попить принесла, Сашенька, как обычно вы любите.

– Опять фамильярность, – парень цокнул языком. – Александр Григорьевич, для вас и для всех остальных. И опять вы куда-то коситесь, в лицо посмотреть трудно? – он ехидно ослабил, ничуть не смущаясь своей наготы.

Женщина стала еще краснее, но глаза не подняла, продолжая упрямо рассматривать персидские узоры. Руки её побелели, а пальцы намертво вцепились в грубую ткань.

– Не, ну это перебор. Сказал – СМОТРЕТЬ НА МЕНЯ! – внезапно перешел на крик Саша, наслаждаясь выражением крысиного страха на её лице.

Та, наконец, вняла просьбе, и осмелилась взглянуть на своего мучителя, что правда, стоило ей больших трудов.

– Еще раз спрашиваю, – он звонко постучал ногтем по стакану, – что это, мать вашу такое?!

Зинаида вся как-то пошла пятнами и ничего не ответила, понимая, что её работа в доме Браницких подошла к концу, и сделать с этим уже ничего нельзя. Женщина часто задышала и начала всхлипывать, еле сдерживая подступающие рыдания.

А Саша уже не обращал внимания на её лицо и сделал то, что изначально намеревался. С наслаждением он вылил холодную жидкость ей под ноги, так что дешевые мокасины её вмиг промокли, а на полу образовалась небольшая лужица. «Будто тут кто-то нассал, а вы, гражданка, вляпались», – заржал он и с размаху швырнул стакан в стену, удачно сшибив кусок лепнины. После этого он вытер руку о край занавески, и, насвистывая, отправился в сторону ванной комнаты:

– Ах, да, – бросил он на ходу. – Сейчас идите к Наталье и скажите, что я вас уволил. Удачи на новом месте работы!

Саша вновь расхохотался, поразившись своему остроумию, и скрылся в недрах своей личной купальни. А тишину коридора еще какое-то время нарушали приглушенные всхлипы Зинаиды, до которой, впрочем, никому дела не было.

Александр с недовольством осматривал себя в зеркало, прикидывая, как скоро сойдут с лица следы вчерашнего кутежа. В отражении перед ним стоял довольно бледный молодой человек с редкими веснушками на впалых щеках.

Явление дурацкое, ибо волосы у него были очень темные, да и глаза, скорее карие, чем зеленые или синие. Кто-то называл его красивым, но случалось это в те редкие минуты, когда Саша либо спал, либо расслаблялся законодательно запрещенным способом. Все остальное время лицо имело выражение презрительное и немного скучающее.

Сам он никогда не задумывался о том, какое впечатление производит на окружающую массу, и какого мнения о нем люди. В категорию исключения попадало всего несколько человек

из самого ближайшего и влиятельного круга, родители и Владик Кошелев, которого он называл не иначе как «брат». Остальных же он либо вообще не замечал, либо расценивал как серое и примитивное стадо, пригодное только для унылой работы. Себя же он видел гораздо более разумным и полноценным, чем кто либо.

С самого юного возраста, маленький Саша имел все самое лучшее. Любое желание сразу сбывалось, поэтому к двенадцати годам мальчик утратил способность мечтать. К пятнадцати перестал верить во всеобщее равенство, а к восемнадцати приобрел столь неприятный характер, что даже самый избалованный юноша на его фоне казался праведным. Нельзя сказать, что вина за это полностью лежала на родителях. Григорий Константинович хоть и был человеком вспыльчивым, но уж никак не противным, а Татьяна Сергеевна души не чаяла в своем единственном отпрыске.

Она не единожды пыталась отвлечь сына от безделья; толпы гувернеров и репетиторов бесконечным потоком проходили через дом Браницких. Их хитроватые лица были настолько скучными, что Саша порой даже и не замечал, что сегодня у него новый преподаватель по немецкому языку. И вообще, он даже не успел понять, что начал вдруг изучать немецкий, а не испанский. Все таки игры в смартфоне и трёп по скайпу с Владиком были гораздо интереснее.

В школе он учился хорошо и даже два года подряд умудрился провисеть на доске почета. Учителя были добрые, но слишком уж походили на репетиторов, поэтому Саша со спокойной душой плевал в потолок на уроках с первого по последний класс. Когда же пришло время сдавать выпускной экзамен, тот самый, аббревиатура которого пугает обычных недалеких детей, Саша со спокойной душой написал его на очень высокий балл, сам не понимая как. Это только укрепило его веру в собственную гениальность, и характер парня испортился еще больше.

По настоянию отца, Саша поступил на юридический факультет одного из самых престижных столичных вузов. Конечно, Александр заикнулся было о Швейцарии, но потом здраво рассудил, что отец-то точно знает, где лучше учиться его сыну. На этом он успокоился, хотя в тайне подумывал о том, что за границей было бы веселее, да и несколько его знакомых ребят уже зачислили в зарубежные университеты. Там климат приятнее, чем здешняя унылая слякоть и колючий мороз.

Хотя проблему зимней, или осенней хандры он решал довольно быстро; достаточно было совершить несколько простых движений пальцами и набрать нужный номер в телефоне, а затем сесть в личное авто, дверь которого уже открывал заботливый телохранитель. Немного пробок, возни с документами и вот Саша уже сидит в уютном кресле частного Боинга, который скоро взлетит и унесет нашего героя в солнечный Дубай, где уже зарезервирован уютный номер в отеле Burj-Al-Arab.

Там уже резвится шустрый Владик, отправляет ему фото с латиноамериканками, которых он успел захватить по пути из аэропорта. Дружескую встречу они отметят с размахом в одном из ночных клубов, где Саша, пребывая в каком-то сладостном полузабытье, окруженный смуглыми фигуристыми красавицами, будет вдыхать пары крепкого кальяна. Глядя сквозь ароматную дымку в темную глубину зала, где беснуется безликая толпа, он вновь ухватит простую, но верную мысль: «Не имеет жизни тот, кто не живет, как Александр Григорьевич Браницкий».

II

Сейчас он разочаровано признал, что помятый заморыш в зеркале на принца никак не тянет. Его и без того крупный нос казался еще больше, а на лбу ярко алел свежий прыщ. Веки опухли, а под глазами залегли зеленоватые тени. «Принц остаётся принцем в любых обстоятельствах», – оптимистично заявил он, подмигнув отражению и принялся разбрызгивать пену для бритья на стекло.

Млея под струями душа, Саша уже успел наметить план на оставшуюся часть дня. Электронные часы показывали половину первого, а значит, по его соображению Владик должен был еще дрыхнуть на шестьдесят втором этаже башни «Федерация». Так что звонить ему было бесполезно, а можно было только навеститься в гости.

В гардеробной он задержался ненадолго и одел первое, что попало под руку, но не забыл оставить три верхние пуговицы черной рубашки расстегнутыми. Он видел в этом особый небрежный шик, будто он, не иначе как дон Майкл Карлеоне, только более молодой. «Красивый и опасный, – думал он, усмехаясь, – подкачаться бы только». Саша лихо надвинул на лоб темные очки и тут же болезненно зашипел, волосы слиплись от обилия геля, и попытка нарушить форму укладки вызвала неприятные ощущения.

Спустившись вниз, парень не удостоил вниманием гору бесполезных подарков. Их надо будет разобрать как-нибудь потом, когда не лень будет. Однако глаз его удачно заприметил маленькую блестящую коробочку, лежавшую на кофейном столике, под ней белела небольшая записка. Одним прыжком он подскочил к заветному предмету и принялся нетерпеливо читать послание. В нем сообщалось, что Григорий Константинович, никак не мог отменить запланированные ранее встречи в Шанхае, и к его большому сожалению, пропустил день совершеннолетия сына.

В силу обстоятельств, на момент празднества, отец находился вне зоны доступа несколько дней, о чем Александр был, конечно же, заранее предупрежден. Но в качестве утешения, к открытке прилагался ключ от нового автомобиля, того самого черного монстра, о котором Браницкий-младший изволил намекнуть отцу несколько недель назад. Внизу стоял постскриптум, с наставлением брать Юру в качестве водителя, до возвращения родителя.

В самой же коробочке оказались ключи с эмблемой Lamborghini. Довольно присвистнув, Саша легко подбросил кусочек пластика, любуясь, как сверкает золотистый брелок. Определенно, день обещал быть интересным – Влад заценит щедрый подарок пахана. Завтракать настроения не было, и он решил, что сразу отправится будить друга. Оставалось только вызвонить телохранителя Юру и можно отправляться в путь.

Спустя пятнадцать минут, Саша с разочарованием рассматривал блестящий ониксовый корпус, мля, просил же матовый... Он с сожалением поглаживал теплый глянец: «Ну да, ладно, какой уж есть!»

Браницкий уселся в водительское кресло, и, нацепив солнечные очки, уже приготовился повернуть ключ зажигания и лихо газануть так, чтобы выхлопная труба загорелась синим пламенем. И пусть официально водительских прав у Саши еще не было, и особых навыков вождения он не имел, но это не мешало ему периодически жечь резину на столичных дорогах. Не так давно он впервые участвовал в «Охоте на кабанов» и сумел обойти небезызвестного Шамиля Мамедова. В будущем, он планировал устраивать гонки гораздо чаще, и появление подходящей машины только способствовало этому – не стыдно будет перед остальными.

Оставалось уладить вопрос с охранником Юрой, маячившим неподалеку и всем своим видом, намекавшим на то, что один Саша не уедет.

– Блин, ну, жалко, что ли? – крикнул Саша, опустив стекло. – Дай, я один, по- братски.

Тот покосился на камеру наблюдения, красноречиво намекая на то, что он и рад бы, но вылететь с работы не хочет.

– Ладно, давай так, до башни ты меня довезешь, а там разберемся.

Дядя Юра коротко кивнул, образовав третью складку под жирным подбородком, и поспешил открыть дверь перед Сашей. Парень с комфортом разместился на месте пассажира и дал команду к старту.

– Ты только быстрее, чтоб не скучно было.

Крупный мужчина вновь кивнул и забормотал что-то в гарнитуру, после чего кованые ворота медленно распахнулись.

И вскоре изящная иномарка, уже летела по МКАДу, сотрясая воздух оглушительным ревом, и вызывая завистливую ругань у менее обеспеченных граждан.

Прибыв в «Москва-сити», Саша договорился с Юрой, который охотно согласился, что юный хозяин способен сам управлять автомобилем. В качестве аргумента прилагалось несколько зеленых купюр и клятвенное заверение, что Григорий Константинович ни о чем не узнает. Оставив машину на подземной стоянке, телохранитель отправился на заслуженный отдых в торговый центр, где имелись неплохие рестораны.

А Саша тем временем размашисто вышагивал по коридорам в сторону лифта. Игнорируя заинтересованные взгляды губастых цыпочек, чьи лица были настолько одинаковые и глупые, что Саша старался смотреть куда угодно, но только не на них. Они так и стреляли глазками в сторону его правой руки, где сегодня красовался отцовский VC. Похоже, их не смущала ни явная разница в возрасте, ни в росте.

«Мамочки-извращенки хотят поиметь молодого жеребца!» – так рассуждал он, продолжая прокладывать себе дорогу к лифтовой зоне, где ему еще долго пришлось ждать, когда толпа любопытных азиатов уедет, наконец, на свой 47 этаж и предоставит ему право подниматься в гордом одиночестве. Правда, на 12 этаже зашла очередная девушка, губы которой были настолько большими, что Саша мысленно сравнил их с двумя сардельками. Она загадочно смотрела на него, сквозь длинные накладные ресницы, а на щеках её горел коричневатый бронзер. Сначала она намеревалась нажать кнопку нужного этажа, но увидев Сашу, передумала.

«Конечно, я на 62-ой еду, а там только квартиры, интересно, кто и как её сюда пустил?» – мысленно усмехнулся он, поражаясь осведомленности этой «уточки», она явно не впервые здесь. Они поднимались в молчании, и Саша не предпринимал никаких действий. Но когда электронная цифра на табло приблизилась к 58, он ненавязчиво приобнял её сзади и горячо прошептал в маленькое ушко:

– Сколько в час? Мы с приятелем заплатим по двойному тарифу.

Та как-то обмякла, повернула голову в его сторону и тихо назвала нужную сумму. В ответ на это Саша заливисто расхохотался и смачно шлепнул её по тощему бедру:

– Думал пошутить, а ты, оказывается, шлюха, ха-ха-ха, вот это поворот! Не, я брезгую, ты лучше в **** бар иди, там такой плюгавый дядя Юра гонорар проматывает. У него, наверное, осталось немного, как раз хватит! Ха-ха!

Девушка явно не оценила остроумие Саши и грустно засопела, ничего не ответив. Когда двери лифта разъехались, выпуская Сашу, он повернулся к ней и послал воздушный поцелуй:

– А про дядю Юру я не шучу, мужик, во! – он поднял большой палец вверх и помахал на прощание.

Лифт уехал вниз, унося с собой незадачливую охотницу, которая так и не поняла, кто такой дядя Юра, и так ли он богат, а Саша вприпрыжку поскакал в сторону нужных апартаментов.

Дверь ему открыл заспанный Владик, лицо которого выглядело, как огромная побитая картофелина. Хлопнув его по голому плечу, Саша не скидывая обуви, с разбегу запрыгнул

на огромную незастеленную кровать. Крича что-то бессвязное, он начал топтать белоснежные простыни грязными кроссовками. Он резво подпрыгивал и раскидывал подушки в разные стороны, одна из них прилетела в лицо остолбеневшему от сей наглости Владиславу. Это немного взбодрило Кошелева, и подушка отправилась к исходному отправителю. Браницкий ловко схватил её и, кинув на пол, приземлился на неё ногами, издав победный вопль.

– Здорово, брат! Как поживаешь?

Владик почесал затылок и пробурчал что-то о ранних пташках и бестолковых друзьях.

– Не рад меня видеть? Я, вообще-то, пришел не просто так.

Кошелев сделал предупреждающий знак рукой, дабы оградить себя от слишком ценной информации и ретировался в соседнее помещение, где послышался звук открываемого холодильника. Вернулся он с двумя стаканами содовой, один из них он протянул Саше.

– Мне бы пожрать чего, – сказал Браницкий, отхлебывая.

– Есть только диетическая отрава в контейнерах, – плаксиво ответил Владик, – мамка повадилась заказывать её, говорит, что один я тут совсем ожирею на неправильной еде.

Саша прыснул, разглядывая пухлую фигуру друга, сидевшего сейчас без майки.

– На этой траве быстро станешь таким же дрищем, как я.

При упоминании «травы» глаза Кошелева подернулись мечтательной дымкой, и на одутловатых губах заиграла двусмысленная улыбка.

– Сейчас бы...

– Да..., – согласно протянул Саша, прекрасно понимая ход мыслей друга, – но это уже несерьезно, мы не школьники.

– Да-а-а..., – вторил ему Влад, – не школьники, а зеленые первокурсники.

– Значит, еще можно, – подытожил Саша и выжидающе посмотрел на друга, – это тебе не шары дуть.

Кошелев нецензурно выругался и кряхтя приподнялся, вновь направляясь в сторону кухни.

Вскоре он вернулся, держа в руке увесистый прозрачный пакет, наполненный сушеной ганжой.

– Ты что, ее ковшами загребаешь? Как ни приду, у тебя меньше не становится, – изумился Саша, глядя, как друг неторопливо вскрывает пакет и начинает мастерски набивать косяки. – Эй! Блин, только сам не облизывай.

Влад понимающе захихикал и протянул ему незавернутую самокрутку.

– Прошу!

Браницкий недовольно закатил глаза и принялся слюнявить тонкую бумажку.

Следующие пару часов пролетели незаметно; друзья сидели на полу, окруженные облаком сладковатого наркотического дыма. Они неторопливо затягивались, и с каждым новым вдохом градус настроения Саши постепенно повышался. Лицо его сделалось приятным и одухотворенным, он рассказывал Владике о том, что ничуть не обижен на отца.

– Мне, вообще, не важно, какая она, понимаешь? Да, хоть желтая! Все равно, напишу ему и скажу «спасибо», я же не очкошник какой-то.

– Точно, родителей любить надо, – соглашался разомлевший Владик.—Особенно, если они дают тебе деньги.

Саша вновь затянулся, чувствуя, что вот-вот расплачется.

– А если бы не давали? Что тогда? Неужели нам бы пришлось где-то работать?

Кошелев прыснул и вырвал из ослабевшей руки Саши тлеющий косяк.

– Тогда бы мы очутились на самом дне жизни, – многозначительно заявил он, подняв вверх палец. – Пришлось бы драить туалеты, разгребать помойки и ездить на метро каждый день. Возможно, еще жить в коммуналке, где унитаза общий на 10 человек.

Саша аж поперхнулся:

– На 10 человек? Не, ну я думал, сейчас так мало кто живет, да и то не в Москве.

– Еще как живут! Рождаются, страдают и умирают в этом дерьме, представь. Вся их жизнь подчинена только одной цели – служить нам, а они не догадываются об этом, и как муравьи копошатся в гнилой яме. А мы можем, запросто давить их целыми кучами, и ничего нам за это не будет.

– Я тоже думал об этом недавно, – усмехнулся Саша, – выходит, они слабые, несмотря на то, что их много.

Владик серьезно посмотрел на него и согласно закивал:

– Слабые и завистливые. Все, что они могут, это поливать грязью мои ролики на Youtube и сетовать на то, что мой папа их оплачивает. А я стараюсь.

– Ну, актер из тебя хреновый, без обид, – Саша вновь скривился, – не интересно получается.

Влад досадливо отмахнулся и сделал вид, что не заметил подколку откровенного друга.

– Тем не менее, – продолжал вещать Кошелев, – не только деньги вызывают зависть, мы все еще вынуждены жить по стадным законам, которые диктует наше примитивное общество. А законы придуманы для того, чтобы их нарушать!

Мысль Владика приглась Браницкому по вкусу, и он согласился с ним на все сто.

– А если бы все изменилось?

На этот раз подавился Кошелев, он начал судорожно кашлять и хватать ртом воздух:

– Тогда бы я сразу повесился, брат.

III

Lamborghini стрелой неслась по московским улицам. Огни ночной столицы мелькали перед глазами Саши, который пребывал в состоянии близком к абсолютному экстазу. Руки намертво вцепились в руль, а нога на педале уже не подчинялась воле хозяина. Остеклевший взгляд его нацелился только в одну далекую точку, маячившую где-то на меркнувшей периферии. Музыка из колонок казалась ему то какой-то глухой и далекой, то вдруг звучала слишком громко.

Владик же подвывал и дергал всеми конечностями, периодически вливая в глотку очумевшего друга небольшие порции терпкого виски. Тот машинально сглатывал, даже не ощущая ядерного вкуса, и продолжал зависать. Игнорируя красные сигналы светофоров, они мчались, лихо петляя между дешевыми развалюхами.

– Вот вам, грязные имбецилы! Да откуда же вас тут столько много развелось. Спать надо, баиньки, – возмущался Владик и вновь припадал к стеклянному горлышку.

– Зато я шахмачу, ууу..., – выл Саша, обгоняя грузовик, – ухуууууууу...

Он резко перестраивался и напрочь не замечал дорожную разметку, созданную, по его мнению, лишь для тупых. Иногда машина вылетала на встречную полосу и с запредельной скоростью мчалась по ней, но в самый последний миг уходила от столкновения. Друзья истерически хохотали и обсуждали перекошенные от страха лица несчастных тетюшек на «солярисе». С ними они едва успели разминуться на набережной Тараса Шевченко и чудом не отправили сию кредитовозку, вместе с её пассажирами, в звездный путь.

Владик достал телефон и включил интернет-трансляцию, выступая в роли репортера, он красочно и детально комментировал происходящее, сетуя, правда, на халатность ГАИ. Ибо стражи порядка их никак не замечали.

– Ну чего они нас не преследуют, а?! Где погоня-то?! У всех нормальных людей есть видео с погоней, а у нас – дерьмо какое-то!

«Сбейте кого-нибудь», – прочитал он комментарий какой-то сообразительной девушки.

– Слышь, Пушкин, ищи, кого сбивать будем! – крикнул он, тыкая другу в лицо смартфоном, – сбивать, нахер!

– Дебил, совсем, – бурчал Саша, вновь вылетая на встречную полосу, – здесь некого сбивать.

Кошелев завыл что-то нечленораздельное и принялся долбить ладонями по тонированному окну.

– Вон! Там! Там! – возбужденно скулил он, указывая на маленькую фигурку мотоциклиста, который внезапно возник на съезде в третий ряд. – Пусть эта гнида похрустит!

Саша визгливо рассмеялся, помня о неприязни друга к байкерам. Кошелевненавидел их очень сильно. Он лихо перестроился, так что машину буквально вышвырнуло в правый ряд, и тут же принялся преследовать мотоциклиста. Расстояние между ними сокращалось невероятно быстро, уж тут-то Саша не мог пожаловаться на качество родительского подарка.

Рев мотора пересиливал грохот музыки из колонок, а показание на спидометре давно перевалило за допустимую норму. Глаза Браницкого потемнели от нахлынувшего азарта, а на губах сияла улыбка, больше напоминавшая волчий оскал. Десны его обнажились, и кривые зубы ярким пятном выделялись на потемневшем от злобы лице. Мимолетные всполохи дальних фар лишь на долю секунды озаряли дьявольскую гримасу, игравшую на лице Саши. Красные и желтые огни автострады единым потоком летели мимо него, образуя смазанные

разноцветные нити. Вывески и баннеры мелькали где-то наверху, переходы и светофоры они преодолевали, не глядя.

Вжимаясь затылком в сиденье, Саша чувствовал, как все его естество охватывает немислимый трепет. Где-то в районе груди поселилось ощущение почти райское, по сравнению с которым, любой элитный наркотик казался пустышкой. В этот момент ему чудилось, будто сам божественный посланник распростер могучие крылья за его спиной. Вот сейчас он даже ощущал его прохладные руки на своих плечах, словно он покровительствует ему, толкает вперед. И Саша еще сильнее вдавил педаль газа, захлебываясь от восторга. Он мчался вперед, видя одну лишь маленькую ничтожную цель, которая вот-вот превратится в кровавое месиво.

Плевать на убогую мораль – пускай другие следуют ей. Ничтожные людишки должны бояться и чтить закон, написанный лишь для глупых рабов. Саша уже почти ощущал долгожданные волны людского негодования, направленные на то, чтобы сокрушить, свергнуть его негласное господство. Он любил купаться в океане народной ненависти и зависти. Праведные муравьи станут уповать на справедливость суда, наивно брюзжать о том, что подобные ему рано или поздно получают по заслугам,

что мир изменится и таких, как он, станут судить наравне со всеми. А Браницкий лишь усмехался и гнал вперед черного монстра, уже практически вплотную приближаясь к своей жертве.

Бедняга трепыхался, увиливал, дергался туда-сюда, все еще лелея надежду на то, что сможет улизнуть. Мотоциклист не верил, что жизнь его прервется здесь, на съезде с третьего транспортного, и две его маленькие дочки останутся в эту ночь без отца. Он даже не мог представить, как горько заплачет его молодая жена, хрипя, упадет она на холодный кухонный пол, до крови закусив белую ладонь. Она завоюет протяжно и надрывно, из последних сил сдерживая крики, помня о спящих за тонкой стеной девочки пяти и восьми лет, и даже не будет знать о двух отморозках, которые не получают заслуженного наказания. Не светят им годы тюрьмы и муки совести. Они лишь посмеются над её страданиями и даже не подумают о том, что искалечили, сломали судьбу одной простой семьи. Отобрали её мужа, убили отца и кормильца.

Гонщик никогда не допустит подобного. Человек за рулем мотоцикла боролся за право на жизнь; из последних сил давил на газ, выжимал оставшиеся крупинцы скорости из старой «Ямахи», мысленно умоляя её потерпеть еще немного, спасти от черной ревущей твари, готовой вот-вот подмять его под себя.

А парни хохочут и улюлюкают, Владик уже забыл о том, что собирался снять все в подробностях. Он откинул телефон прочь и теперь визжал как ненормальный, подгоняя Сашу:

– Дави его! Дави ишака! Чтобы башка его отлетела подальше!

– Считаю секунды, брат, если собью его за минуту, то с тебя причитается – задорно кричит Саша, выкручивая руль, – это будет мой лучший тест-драйв, проверим заодно малышку на прочность.

– Раз, – протяжно начинает Кошелев и с восторгом наблюдает за маневрами друга, который явно вошел во вкус и теперь творил нечто невообразимое. Он словно обуздывал норовистого мустанга, резко и порывисто, заставляя роскошную машину лететь, с каждой секундой приближаясь к мотоциклисту.

– Десять... Пятнадцать... Двадцать пять...

– Тридцать! – рычит Саша, уже отчетливо видя перед собой яркую эмблему мото клуба на потертой оранжевой куртке байкера. – Тридцать пять, сорок! И ты сдохнешь, тварь двухколесная!

– Тарань его, брат! Тарааань! Уахахаха! – подначивал Кошелев, продолжая вести отсчет.
– Пятьдесят один...

Машина нагоняет байкера и обходит его слева. Поравнявшись с ним, они отчетливо видят, как в прозрачном стекле шлема мотоциклиста отражается испуг. В глазах мужчины отчетливо проступает паника. Он понимает, что сейчас произойдет, и мысленно смирился с этим.

Владик показывает ему средний палец и приветливо машет рукой:

– Аста ла виста, кусок дерьма! Пятьдесят девять!

Едва успев произнести последнее слово, Кошелев больно ударился виском о стекло, не успев откинуться назад во время сашкиного маневра. Браницкий без предупреждения подался вправо и одним точным и почти красивым движением отшвырнул легкий мотоцикл. Сила удара была невелика, все-таки Саша решил не портить свой подарок в первые же сутки. Однако этого оказалось достаточно, чтобы железяка с противным скрежетом проехала боком по асфальту на добрые десять метров. Байкер отлетел и того дальше, правда, в противоположную сторону, оставляя за собой темный след на асфальте.

Браницкий резко затормозил, так что на асфальте остались характерные следы от жженой резины. В воздухе застыл душераздирающий визг, издаваемый несчастными колодками. Он еще долго звучал, эхом отдаваясь в ночной тишине, нарушаемой лишь гулом далекой автостреды и хриплым дыханием Владика.

Из-под капота тачки медленно поднимался сероватый дымок. Постепенно, расплываясь и обволакивая окружающее пространство, он подобрался к неподвижной фигуре лежащего человека. Окровавленная нога, изогнутая под неестественным углом, выглядела мерзко и безжизненно. Кисть левой руки, судя по всему, вообще превратилась в подобие фарша. На изодранном боку виднелась грязная рана.

– Ну, ты даешь, брат..., – подал голос Владик, потирая ушибиленное место, – ты даже машину толком не помял...

– Потому, что я – прирожденный гонщик. Саша удовлетворенно потянулся, прикрывая глаза. – Как думаешь, он еще жив?

Кошелев хмыкнул и глянул в боковое стекло:

– Лучше был бы мертвый, как моя прабабушка. Если спросят, скажем, ментам, что он сам въехал в нас, а потом внезапно скончался, – ехидно выдал он, – такое ведь часто бывает, буквально на каждом шагу.

– Да не спросят. Этот придурок сам увел нас в какую-то задницу – камер тут точно нет.

Кошелев заинтересованно завертел головой, осознавая правоту друга. Вокруг высились унылые полузаброшенные склады и заводы. Жилых домов не наблюдалось вовсе, а вдалеке виднелся железнодорожный мост. За ним стелились бесконечные бетонные конструкции многоквартирных новостроек. Пустынная улица почти не освещалась – здесь не было ни души.

– Просто уедем?

– Ага, только надо проверить, умер ли этот.

Владик лишь развел руками.

– Ты давил – ты и проверяй. Я в эту срань ни за что не пойду, еще не хватало сразу подцепить какую-нибудь.

Браницкий посмотрел на него, как на больного, и с легким презрением изрек:

– Знаешь, иногда мне кажется, что есть в тебе что-то гейское. Шибко ты нежный, да и вид у тебя такой, будто каждое утро выливаешь на себя бутылку масла. Блестящий весь, лоск не хочешь испортить.

– Ты на что намекаешь сейчас? – пискляво затараторил Владик, – говорил же

– это часть моего имиджа! Мне приходится часто бывать на публике, интервью давать журналистам, сниматься. Поэтому я должен всегда выглядеть на все сто. Ты не подумай.

Саша лишь снисходительно улыбнулся и похлопал друга по холеной щеке.

– Да будь, кем хочешь, только по мне не сохни. И если ты у нас не голубой мальчик, то изволь освидетельствовать нашего мертвеца, – он заиграл бровями и выразительно глянул в сторону лежащего.

Нарочито тяжело вздохнув, Кошелев пригладил и без того прилизанные русые волосы, дернул дверную ручку, грузно вылезая из машины. Сунув руки в карманы, он обошел авто впереди, склонился над капотом и долго с интересом рассматривал небольшую вмятину.

– Ерунда, почти не заметно! – крикнул он довольному Саше.

В ответ тот беззвучно рассмеялся и указал большим пальцем себе за спину. Владик не остался в долгу, послав Браницкому отборную матерщину. Однако все же заковылял в сторону поверженного мотоциклиста. Старательно обходя кровавые пятна, и недовольно морщась, Кошелев подступил к лежащему и тронул белым носком кроссовка край шлема. Реакции не последовало. Тогда он тронул смелее, но человек не подавал признаков жизни. Подобное безучастие начинало раздражать Владика, поэтому он принялся наносить ощутимые удары по пластику, приговаривая сквозь зубы:

– Я что, зря из машины вылезал.

– Придави ему шею, – подсказал находчивый Саша, высовываясь из окна автомобиля.

Радостно хихикнув, Кошелев опустил одну ногу на грудь мотоциклиста, а другой наступил на обнажившееся горло.

– Попробуй мне только кроссовки изгадить, – предостерег он и стал давить изо всех сил, продолжая смеяться над нелепыми хрустящими и булькающими звуками, которые издавало все еще живое тело бедняги.

Когда ему надоело стоять, он принялся прыгать и пританцовывать, перенося свой немалый вес с одной ноги на другую.

– Эй! Включи мне музыку хоть, я тут работаю, – крикнул он Саше, который уже успел развернуться и сейчас медленно подъезжал к нему.

– Как на плантации пашешь, бедненький, – Браницкий протянул Владу сто- долларовую купюру через окно, – это ему, на похороны!

Кошелев ловко перехватил ее и, скомкав в руке, бросил на асфальт рядом с телом.

– Ты что так расщедрился? Этих денег даже его внукам хватит до конца жизни, – он снова захихикал и сплюнул, – давай лучше обшарим его карманы.

– Я же чертов меценат, – важно произнес Браницкий и неожиданно громко заржал, – вообще это улика против нас с тобой, чтобы полиция смогла вычислить нас и посадить на сто пятьдесят лет.

Тут расхохотался и Кошелев. Хватаясь рукой за живот, он согнулся и буквально взорвался громким наигранным смехом:

– Точно! Точно – улика! Нас посадят, обязательно посадят, клянусь своей мамкой, ха-ха-ха.

– Нет, брат, трупы надо или сжигать, или выбрасывать в реку, – пробурчал Браницкий, – так показывали в фильме про мафию, как его там... ааа... дон, мать его, Карлеоне, ха-ха. Давай выкинем его в траву, обольем алкашкой и подожжем.

– А это говно куда девать? – Кошелев указал толстым пальцем на мотоцикл, – странно будет, если этот дебил сгорит в кустах, а мотоцикл на дороге.

– Логика, брат, у меня работает, ик, оооой... – заскулил он неожиданно и побежал в сторону обочины на полусогнутых ногах. Браницкий скривился и отвернулся, стараясь проигнорировать звуки опорожняемого желудка, доносившиеся за его спиной.

– Свинья ты, хоть и брат – сказал он, когда Кошелев закончил и полез в машину Браницкого за влажными салфетками. – Только попробуй, сука, мне сиденье заблевать.

Сам же Браницкий облокотился о капот и затянулся сигаретой.

– Достало все, – он выпустил облачко дыма, – подожжем здесь и быстро уедем. – Пусть менты сами разбираются, что за дичь здесь произошла.

– Без меня только, а то мне херово, простонал Владик из машины.

Браницкий лишь закатил глаза и, прихватив бутылку Jack Daniels, направился к трупу. Тот оказался вполне еще живым и слабо подергивался в конвульсиях.

– Можно было и бензином облить, – хихикнул Браницкий и начал поливать его спиртным. Затем он вытащил изо рта сигарету и кинул ее на грудь лежащего, но особого эффекта не добился. Разве что пошел слабоватый дымок.

– Э-э, нет, так дело не пойдет, – он не без труда расстегнул мокрую от крови куртку байкера и подпалил край воротника рубашки. – То-то же, – он ухмыльнулся и, насвистывая, пошел обратно к машине.

Вскоре автомобиль тронулся, сразу набирая скорость, друзьям хотелось как можно скорее покинуть эту мрачную улицу, нагонявшую на обоих хандру. Тем более веселье закончилось, и теперь мысли Браницкого занимал только гостеприимный vip-зал любимой кальянной на Новом Арбате, где он планировал провести остаток ночи. Произошедшее его не тревожило – подумаешь, мясо. Делов-то!

Они уже отъехали достаточно далеко, и горящее тело казалось мелкой спичечной головкой, которая должна была вот-вот исчезнуть в непроглядной ночной мгле. Но на долю секунды Саше показалось, что рядом с трупом кто-то стоит. Он удивленно вздрогнул, моргнув несколько раз и вновь посмотрел в отражение, но размытый силуэт уже исчез. «Срочно закинуться надо, а то уже глюки начались», – успокоил он себя и всецело отдался интересному разговору о преимуществе новой модели Rolls Royce.

IV

Последующие дни ознаменовали собой унылое однообразие. Жара спала, и жители коттеджного поселка вкупе с многочисленным домашним персоналом смогли вздохнуть спокойно. Пустовавшие в летний период дома снова обрели жильцов, вернувшихся с летних вилл на Лазурном берегу. Прилетела из Америки мама Владика, да и мало того, что прилетела; с собой она прихватила очередного улыбочивого массажиста – юношу с невероятно ласковыми глазами и гладкой бронзовой кожей, глядя на которую Кошелев – младший начинал испытывать муки зависти.

Шквал праведного негодования он обрушивал на Сашу. Телефон Браницкого разрывался от бесконечного потока сообщений со снимками, где в разных ракурсах был запечатлен лощеный калифорниец Стефан.

Саша кривился, ругался, блокировал друга, но никак не мог прекратить эти нетрадиционные излияния. При этом он все больше укреплялся в своих подозрениях, что Кошелев на самом деле не тот, за кого себя выдает. Недаром Владик предложил им обоим не встречаться ни с кем до сентября. В течение лета они либо проводили время в компании веселых девушек из эскорта, либо подцепляли сразу по несколько в ночных клубах, расставаясь с ними под утро.

По словам закадычного друга, летнее время вообще не предназначалось для каких-либо официальных отношений.

– Когда нам еще развлекаться, кроме как не летом? – втолковывал он Браницкому, – родители уезжают, и нам открываются все пути и возможности.

– Жизнь – кайф, – отвечал Саша, вдыхая полной грудью витиеватую дорожку белого порошка. – Ах-ха-ха, только мне лень все.

– Давай убьем Стефана, – предлагал Владик, – бесит он меня.

– Пффф, лень, – мычал Саша, глупо улыбаясь.

Такие разговоры случались почти каждый раз, когда друзья встречались для того, чтобы с помощью кокаина разбавить серость и заурядность августовских дней. Скука одолевала их, и даже неизменные увеселительные заведения, пороги которых они обивали с пятнадцатилетнего возраста, приелись парням.

– В Америку бы, – тоскливо повторял Саша, – вот там нормальная жизнь.

Кошелев раздраженно отворачивался и начинал бубнить о том, что Браницкий не устает повторять эту мантру уже добрые полгода:

– Возьми и слетай! Нашел проблему, ишак.

– Ага, отец спит и видит, чтобы я наврал ему и забросил подготовку к универу. Я же ему сказал, что никуда не поеду в этом месяце, потому что буду читать это говно.

– А я из солидарности с тобой остался и тоже никуда не поехал. Помню-помню, – ухмыляется Владик, – зато зимой будет жара!

Браницкий воодушевленно кивнул и продолжил ловить волны кайфа.

Его родители опять были в заграничных поездках. Отец находился на каком-то очень важном форуме в Японии, а дальше ему предстоял долгий вояж по стране Восходящего солнца. Мать на днях уехала к подруге, в Лондон. Предполагалось, что Григорий Константинович окажется в Москве минимум через месяц, да и то проездом. А Татьяна Сергеевна намеревалась отправиться из Лондона в Мадрид, а затем в Нью-Йорк, оттуда в Майами, ну а потом уже в Москву, которую она не особо любила за безвкусную архитектуру и огромное количество приезжих.

Таким образом, большую часть времени Саша был предоставлен самому себе, чем поначалу охотно пользовался. На пару с таким же неприкаянным Владиком, он на момент минувшего совершеннолетия, сумел испробовать практически все легальные и нелегальные способы получения удовольствия от жизни. Список запретных радостей мог бы оказаться поистине огромным, возникни у него желание перечислить все те вещи, которые он умудрился сотворить за столь короткий по земным меркам временной отрезок.

Плотские утехы, наркотические и психотропные вещества различной степени тяжести, ночные гонки и прочие формы досуга уже осточертели ему. Элитные клубы тоже не вызывали бурных эмоций. «Ну, каждый раз одно и то же, по кругу – надоело», – с раздражением признался он сам себе и приступил к поиску других путей, ведущих к острому наслаждению.

Впервые сбив случайного прохожего, Саша сумел ощутить долгожданный прилив адреналина. Тогда везучий дедушка сумел выжить и даже получил солидную прибавку к пенсии, взамен, разумеется, пообещал блюсти строгий статус секретности. Затем на «гелике» Кошелева, они протаранили убогое такси. Водитель-узбек тоже особо не пострадал, но оказался больно наглым и острым на словесные оскорбления. Когда парням надоела его нудная тарбарщина, смысл которой можно было лишь угадать, они поступили так, как полагается в подобной ситуации. Владик сделал короткий звонок, назвав лишь адрес; и через час не было ни узбека, ни его побитой «Лады».

Иными словами, любой вопрос всегда решался в кратчайшие сроки и не требовал даже сотой доли напряжения. Поэтому Саша никогда не вынуждал себя размышлять о том, что сделал бы он сам, при отсутствии целого штата безликих помощников. Скорее Браницкий воспринимал подобный жизненный распорядок, как врожденную данность, существовать отдельно от которой он никак не мог.

Так и складывалось начало жизненного пути молодого Александра Браницкого. Легко и непринужденно он шел по хорошо утрамбованной чистой дороге, разве что не устланной красным ковром и не усыпанной лепестками ароматных роз. Уверенными шагами он приближался к гарантированно светлому и сытому будущему. По крайней мере, так думал он, не предполагая, что ни крепкий родительский тыл, ни банковские счета с множеством нулей, ни дружба с первыми лицами государства не помогут избежать той малой доли вероятности, когда все это бессильно перед лицом чего-то более могущественного.

Возможно, читатель заинтересуется, какая же уникальная особенность могла наличествовать в биографии Саши. Что выделяло его из пестрой, золотой, но такой одинаковой толпы детей миллионеров? Какая неизвестная ему самому, но безумно значимая деталь красной нитью проходила через всю его жизнь? За все минувшие годы, ни разу не заявив о себе, она медленно, но настойчиво продолжала следовать за ним. Долго оставаясь в тени, тонкая линия постепенно подбиралась все ближе и ближе. Она ждала наступления подходящего для неё часа, чтобы в один миг расставить все на свои места. Навсегда изменив мир, к которому он привык.

V

Браницкий испытывал ненавистное ощущение всепоглощающей скуки; день не задался с самого начала. Утро, наступившее nepозволительно рано, ознаменовалось звонком отца, который душным и слегка картавым голосом сообщил в трубку, что намерен приехать не позднее, чем через три дня.

Григорий Константинович выразил, интерес к тому, насколько усердно Александр готовится к предстоящей учебе. По его словам, крайне нежелательно было бы обнаружить, что сын так ни разу и не появился ни на одном из частных занятий у профессора Львова. За уроки преподавателя была внесена солидная сумма, сопоставимая разве что с двухмесячным окладом банковского менеджера. Тем более что за Сашу оплата была внесена в большем размере по настоянию самого профессора, поскольку учеников он брал только при условии прохождения базового тестирования. Браницкий же не сумел набрать нужное количество баллов, поэтому, дабы замять немного щекотливый вопрос, была обговорена дополнительная сумма, за которую светило науки согласился преподавать и ему.

Саша в свою очередь, поступил излюбленным и хорошо проверенным способом, попросту проигнорировав возложенные на него обязательства, решив не ходить на скучные лекции. Теперь его не отпускало чувство легкого беспокойства; сильно ли разозлится отец, узнав об этом. Однако же оно быстро притупилось и становилось все менее значимым, по мере того, как золотая стрелка на циферблате его часов постепенно двигалась вверх, приближаясь к цифре 11.

За это время, он успел насладиться монотонной видеоигрой, посмотрел жаркий веб-танец чернокожей девушки и даже отковырял кусочек настенной лепнины. Далее он планировал поехать в один из любимых ресторанов, где намечалась встреча с Кошелевым и очередной грудастой звездой Instagram, имя которой он не знал. Но замыслы его заметно омрачились, когда Владик проныл в трубку, что отравился диетическим коктейлем и сегодня присутствовать никак не сможет. Следовательно, обещавшее быть веселым мероприятие отменялось, и Саша был вынужден остаться дома.

– Чертова гроза, – бурчал он, досадливо взглядываясь в темноту густых облаков, – почему ее нельзя выключить, даже не погуляешь, сиди теперь тут сычом, хотя и то лень.

Браницкий прижался лбом к запотевшему стеклу и меланхолично наблюдал, как ветер гнет поредевшие сиреневые кусты и безжалостно кромсает поникшие розовые бутоны. Вода в фонтане подернулась легкой рябью и нагнетаемая мелкими дождевыми каплями постепенно перевалила за края мраморного бортика. Перед лицом Саши струились тонкие ручейки, стекавшие вниз по окну, от чего изображение становилось размытым и призрачным.

Спиной он чувствовал приятное дуновение теплого кондиционера, под босыми ступнями стелился мягкий ковер, и все его тело пребывало в состоянии комфорта и покоя.

– Только идиот мог бы оказаться на улице в такую погоду, – хмыкнул он, забывая о том, что сам рвался туда совсем недавно, – умный я, очень умный!

Его безмятежный взгляд продолжал скользить по тонким очертаниям далекой ограды, за которой виднелась голубоватая дымка хвойного леса. Неожиданно он заприметил неоноворыжее пятно, резко выделявшееся на фоне холодных зарослей. Прищурившись, Саша обнаружил второй менее заметный объект сероватого цвета; определенно, они довольно быстро двигались по направлению к участку Браницких.

– Вот и идиоты проявились, – Саша с интересом прильнул к стеклу еще плотнее, – грибы дороже здравого смысла.

Вскоре, силуэты перестали казаться неясными и по мере приближения явили собой двух существ мужского и женского пола. Внешний вид их заставил Сашу сначала скривиться по своему обыкновению, а затем уже глупо захихикать:

– Даже быдло одевается лучше. Влад бы точно оценил, интересно только, что они здесь забыли?

Как оказалось, парочка, направлялась не иначе как к массивным викторианским воротам, преграждавшим путь к территории Браницкого.

– Вы что, серьезно? – Саша аж подавился воздухом от осознания нелепости сложившейся ситуации. – Кто пропустил их сюда?

В голове Браницкого возникло намерение разузнать, с какой стати у его порога смеют ошиваться личности нереспектабельного вида. Тем более, те уже подошли к воротам и выжидающе замерли, не обращая внимания ни на дождь, ни на пробиравший до костей ветряной шквал.

«Они уверены, что им сейчас откроют? Вот так новости!» Ему даже показалось, что женщина в оранжевой куртке смотрит прямо на него. Ощущение чужого пристального взгляда заставило его испытать неприятное покалывание где-то в груди. Он торопливо отстранился от окна и направился прочь из комнаты, и, спустившись вниз по лестнице, крикнул горничной.

– Марин! Ты знаешь, кто там стоит у ворот?

Тихий ответ, прозвучавший из недр кладовой, оказался отрицательным.

– Нет, это ну это, определенно, обещает быть интересным, если даже персонал не в курсе, то прийти они могли только ко мне. Но такое ведь невозможно – это абсурд!

Браницкий достал из кармана телефон и набрал внутренний номер охранной компании, осуществлявшей надзор за его территорией. Диспетчер вялым голосом пробурчал, что никакие посторонние лица в районе наблюдаемой зоны не были зафиксированы на камеру. В ответ на это Саша резонно заметил, что вышеупомянутые лица все же стоят практически у него под окнами, и он понятия не имеет, как такое могло получиться.

– Нет, можете не вылезать из своего подвала, я сам разберусь, – сердито сказал он и бросил трубку.

После чего ему пришлось совершить еще один звонок, на этот раз небезызвестному дяде Юре, который в тот момент мирно посапывал в недрах домика для прислуги.

– Приведи их ко мне, – приказал он. – Я жду!

Совсем скоро незваные гости уже топтались в главном холле. Дядя Юра с непроницаемым выражением лица прикрыл входную дверь за ними и молча остался стоять, буравя парочку подозрительным взглядом.

Засунув руки в карманы штанов, Саша с надменным видом замер на верхних ступенях мраморной лестницы. Не торопясь спуститься, он скучающе рассматривал визитеров, отмечая все больше и больше непонятных деталей.

Мужчина казался значительно старше своей юной спутницы; в его спутанных волосах отчетливо проступала седина, а под глазами залегли глубокие морщины. Он сильно сутулился, что умаляло его и так небольшой рост. Возможно, он и не был стар, однако угрюмое выражение на остром смуглом лице было присуще лишь людям, чья молодость давно минула, а зрелость готовилась уступить пожилому возрасту.

Его мутные глаза вяло скользили по роскошному убранству помещения, даже не останавливаясь на Саше, что не могло не разозлить вышеупомянутого. Девушка же не была красавицей и не имела особо выразительных черт, в отличие от старика. Русая, неказистая простушка, казалась незаметной настолько, что Сашу заинтересовала в большей степени куртка, чем та, на ком она была надета. Она беспокойно теребила край синего платья и упорно смотрела прямо

в глаза Саше, с какой-то отчаянной уверенностью, пытаюсь поймать его взгляд. Браницкого же это не заинтересовало, и он не стал смотреть на нее столь же пристально.

Создавалось ощущение, что эти двое, если уж и пришли именно по какому-то делу, то непременно утратили интерес, едва оказавшись на пороге. Молчание затягивалось, и ни одна сторона так и не сделала шага навстречу.

Было слышно, как старик хрипло дышит и недовольно топчется на месте, чавкая мокрыми ботинками по сверкающему полу, всеми силами демонстрируя свое недовольство, однако упрямо не произносит ни слова.

Саша не выдержал и, придушив в себе чувство гордости, выдавил:

– Юра, отправь Марину за чаем.

VI

Чаепитие проходило в напряженной обстановке. Старик даже не притронулся к ароматному напитку, но не отказался от домашнего печенья. Девчушка же осторожно отхлебывала, крепко вцепившись в чашку обеими руками.

Саша расположился на диване напротив, широко разведя ноги и раскинув руки в стороны. Он запрокинул голову назад, бесцельно смотря в потолок. Минуты тянулись мучительно долго, и Сашу начало клонить в сон. Его веки тяжелели, милосердно прикрывая усталые глаза от резкого света хрустальной люстры. Хриплое дыхание старика смешивалось с шумом дождя за окном. Напряжение отступало, и Браницкого охватило приятное томление. Он блаженно улыбался и наслаждался чувством долгожданного комфорта. Мысленно он покинул стены родного дома и погружался в недры любимой кальянной; ему казалось, что ароматный дым уже наполняет его легкие и блаженство охватывает его будто наяву.

Однако уснуть ему не удалось, ибо старик вдруг раскашлялся. Браницкий скривился и приподнял голову. Его глаза встретились с глазами старика, который впервые за минувший вечер смотрел прямо на него. В его взгляде читалось чувство осуждения и крайней неприязни. Несмотря на свой задор, Браницкий несколько стушевался и даже ощутил некую робость, что было ему крайне несвойственно. Незнакомая эмоция испугала его и заставила, как бы парадоксально это ни было – опустить глаза. По щекам Саши разливалась предательская краснота, а губы плотно сжались. Он уже собирался раскрыть рот и сказать что-нибудь неприятное в свойственной ему манере. Но старик опередил его, предостерегающе подняв узловатую руку:

– Никогда не произноси слова, которые потом захочешь взять обратно, – он раскашлялся снова, – здесь нет... кхе-кхе, нет ни одного человека, который не уважал бы тебя.

Услышав сие высказывание, Саша задохнулся от гнева.

– Кто тебе разрешал обращаться ко мне не «ты»?! Я что пес бродячий?!

Старик закричал и покачал головой, пропустив слова Браницкого мимо ушей:

– Тебя и только тебя мы ценим столь сильно, что всякая низость, на которую ты способен, не будет для нас значительна. Мы любим тебя! Наша любовь безгранична, в ней фальши, нет притворства.

На этот раз Браницкий чуть не подавился и даже слегка подпрыгнул на месте.

– Что ты мне сейчас втираешь, папаша? – захихикал он, прикрывая рукой рот, на бледных щеках выступил красноватый румянец, а на глазах появились слезы, – ты пидарас что ли?

Но словесное оскорбление ничуть не смутило старика.

– Сейчас ты позволил себе грубость, думая, что подобное сойдет тебе с рук, но ты ошибаешься – подала голос девушка, – задумайся хоть на мгновение о возможных последствиях.

– Какие еще последствия? – Браницкий устремил на нее немигающий и безучастный взгляд, каким он всегда смотрел на тех, кто казался ему примитивным.

Старик горестно покачал головой и задумчиво посмотрел на Браницкого.

– Ты полагаешь, что тебя ожидает скучный, разговор о Боге? Думаешь, я буду истязать твой разум неинтересной чепухой, о которой ты слышал бесконечное количество раз?

Браницкий на секунду завис, а затем разразился оглушительным хохотом, хватаясь за живот.

– Я понял! Ха-ха! Вы эти... как их там... свидетели Иеговы, ха-ха! Как я сразу не догадался, ха-ха!

Старик же снова поднял руку, заставляя Браницкого, невольно умерить свой пыл:

– Ты вновь ошибаешься, ибо мы не имеем никакого отношения ни к кому из перечисленных.

– Так кто вы?

– Мы тень твоих воспоминаний, – вновь заговорила девушка странным, пугающим голосом, – тень давно забытого, утраченного тобой прошлого, о котором ты не догадываешься. Что есть жизнь в настоящем? Это цепочка известных тебе событий, которые подобно бусинам нанизаны на нить существования. Ты можешь проследить ее от момента рождения, до смерти. Однако, – она сделала небольшую паузу и заговорила еще тише, – кто сказал, что есть только одна нить?

По спине Браницкого пробежал холодок, и он нервно сглотнул.

– Нить может оборваться. Часть бусин пропадет в неизвестности. Но можно собрать их заново и надеть на другую нить, поменяв местами.

– Чего ты даже не заметишь, – усмехнулся старик.

Браницкий потер потные ладони и немного приосанился.

– Если так, то кто надевает эти самые бусины? И кто держит нить?

Старик ничего не ответил и повернул голову в сторону окна за спиной Браницкого, где ураган беспощадно ломал ветви деревьев.

Саша обернулся. Ему потребовалось не более трех секунд, чтобы разглядеть то, что заставило его побелеть. Он не сумел сдержать истошный вопль, больше похожий на визг, и часто задышал, прикрывая ладонью рот.

Сквозь запотевшее стекло, проступал черный силуэт тощего человека. Руки его шарили по поверхности окна, пытаясь открыть замок снаружи. Кожа человека казалась серой, а спутанные волосы облепили острое лицо. Одет он был в грязный суконный плащ, насквозь промокший. Несмотря на болезненный вид, он был молод, едва старше самого Браницкого. Рот его нагло ухмылялся, причем поднимался лишь правый уголок губы, обнажая гнилые зубы. По настоящему жутким его делал глубокий шрам, рассекавший глаз и бровь точно по центру. Левый же глаз был прикрыт таким – же рваным веком.

Незнакомец был слеп, но лишь безумец, мог бы посчитать этого человека слабым или беспомощным. Поистине Браницкий испытал чувство животного страха. Он оглянулся обратно, но с ужасом обнаружил, что ни старика, ни девушки уже нет в комнате, а вязкая темнота затопила гостиную.

VII

Саша попытался закричать, позвать на помощь Юру, но не смог этого сделать. Горло будто сжала ледяная удавка, а ноги отказались слушаться. Он с трудом скатился на пол с дивана и пополз в сторону коридора, опираясь на локти. Бормоча что-то невразумительное и захлебываясь истерическими слезами, он в отчаянии прокладывал дорогу, расталкивая в сторону пуфики и отодвигая резные стулья. Случайно задетый столик на ножке с грохотом обрушился на пол. Стеклопанная поверхность разбилась на осколки; часть из них задела руки и лицо Александра, но он не почувствовал боли, ибо страх притуплял ее. Не оглядываясь, он полз, подгоняемый запердельным ужасом.

За спиной послышался скрип открываемой оконной створки и мокрое чавканье. Спину Браницкого обдало порывом ледяного ветра с улицы. Он зажмурился и все равно продолжал ползти, с отчаянием пытаясь покинуть пределы гостиной. Дышать было тяжело. Хруст осколков под ногами слепого оборвал надежду Браницкого спастись. В какой-то миг кошмарный звук оборвался, и буквально на несколько мгновений воцарилась тишина, нарушаемая только тяжелым дыханием Александра. Но уже через секунду холодная жилистая рука мертвой хваткой вцепилась в его волосы и одним мощным рывком дернула вверх.

Браницкий заверещал от боли, распахивая глаза, и, наконец, увидел лицо преследователя вблизи. Кривой рот его слабо приоткрылся, втягивая воздух свистящим звуком. До ушей Браницкого донесся слабый отголосок шепота, раз за разом повторявшего одно-единственное слово: «Лагеш! Лагеш! Лагеш!»

В тот же миг, мир перед глазами Александра померк.

Он оказался в странном месте. Место это не было похоже ни на одно из футуристических воплощений больного подсознания человека. Со всех сторон его окружало размытое пространство; будто маленький кусочек земли загородили мутными стеклами. Сквозь их толщину он видел темные силуэты, отдаленно напоминавшие человеческие. А были ли это люди?

Браницкий посмотрел под ноги и обнаружил, что его ступни утопают в искрящейся серебристо-ртутной массе. Над головой слышались громовые раскаты и слабый шум дождя. Но все это оставалось где-то наверху, за импровизированным стеклянным барьером. Дышать стало легко, воздух был свежим. Браницкий чувствовал необъяснимое спокойствие, несмотря на всю нереальность данной ситуации.

В нескольких метрах от себя, он различил фигуру того самого слепца, который стоял неподвижно спиной к нему, обнаженный по пояс и босой. Его тощие лопатки сильно выпирали, натягивая тонкую кожу, грязные черные лохмы доходили почти до плеч. Теперь он не вызывал у Александра прежнего ужаса, поскольку при нынешнем освещении имел гораздо меньшую схожесть с персонажем из американского фильма ужасов.

Осмелев, Браницкий сделал несколько шагов вперед и обошел его спереди. Человек же продолжал стоять неподвижно, низко опустив голову, так, что лицо его было практически неразличимо под волосами. Он хрипло бормотал что-то на непонятном языке, периодически переходя на шепот.

Александр поежился, но все же поборол наступающий страх и решился тронуть слепца, но не успел этого сделать. Стоило ему поднять руку, как тот вздрогнул и резко перехватил запястье Браницкого. Хватка его оказалась на удивление крепкой. Александр зашипел и попытался высвободиться, но это оказалось ему не по силам.

Слепой поднял голову, глубоко втянул ноздрями воздух и поцокал языком, как это делают многие незрячие. Свободная рука его вытянулась вперед, прямо к лицу Браницкого. Тот инстинктивно зажмурился и в ту же секунду ощутил прикосновение прохладных пальцев к своим векам. Слепой методично ощупывал каждый миллиметр кожи Александра. Когда очередь дошла до висков, пальцы дрогнули и замерли.

– Ты изменился, – прошептал слепой и вновь продолжил ощупывать лицо, – похож на себя прежнего; столь же молод. Но рука моя не чувствует шрамов, грубой обветренной кожи, рубцов или хотя бы щетины. Ты нежен, словно девица. Что произошло с тобой? Что заставило тебя стать таким? Что размягчило твои черты?

Саша не нашелся, что ответить.

– Сила. Доблесть. Что осталось в тебе от этих качеств? – продолжал слепой, криво улыбаясь. – Твердое стало мягким, железо превратилось в золото. Чистая прежде душа сочится гнилью, словно неизлечимая болезнь, отравляет тебя. Тот, кто прежде славился бесстрашием, сделался трусом. Я чувствую липкий страх и злобу, слышу, как звенят напряженные нервы, испуганное сердце бьется так громко и отчаянно, что твои ноги сгибаются от дрожи, готовые вот-вот отказаться. Рад ли ты слышать это, Каим Эхнади? В тебе нет огня, нет чистого побуждения. В тебе лишь – пустота.

Едва он произнес последнее слово, как окружающее пространство вновь растворилось в непроглядной черноте. Голос его потонул в ней, уши Браницкого словно заложило ватой и его сознание померкло. Его буквально подбросило на кровати. Он закашлялся и бешено завертел головой, с облегчением узнавая очертания родной спальни. Хрипло дыша и не переставая кашлять, Браницкий растерянно моргал, пытаясь сконцентрироваться. Затем он замер, что-то обдумывая, резко вскочил на ноги и обошел комнату по периметру, заглядывая в каждый угол. Он даже включил свет в ванной и отдернул ширму в душевой кабинке. Вернувшись в комнату, выглянул в окно и только после этого успокоился, ибо нигде ранее упомянутых персонажей не было.

Браницкий облегченно вздохнул и упал обратно на кровать.

– Нет, ну это полная задница, больше никогда в жизни не буду бухать, – он задумался, – до следующего понедельника точно.

Он достал телефон. Часы показывали 4:40 утра, а на календаре стояла отметка 27.08.2018. Александр хмыкнул и откинул телефон в сторону. Затем он зажмурился и завернулся в одеяло, погружаясь в сон, на этот раз здоровый и крепкий.

VIII

Август сменился солнечным, но прохладным сентябрем. Пришло время необременительной для Браницкого учебы. Юридический факультет Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова гостеприимно распахнул стеклянные двери для кучерявого первокурсника. На поясе студента игриво блестела золотая пряжка LV, а на руке столь же заманчиво сияли VC.

– Золото тяжелое, – с улыбкой повторял Браницкий, раз за разом демонстрируя побрякушку стайке девочек-однокурсниц, – приходится держать на весу, для баланса.

На занятия он приезжал практически всегда с опозданием, но зато напрямик к главному входу. Юра открывал лакированную дверь черного майбаха и Александр, почти с тигриной грацией вылезал из недр бежевого салона, левой рукой поправляя солнцезащитные очки. С пренебрежением ловил завистливые взгляды других студентов, которые вынуждены были брести от метро на своих двоих.

Иногда, он приводил на лекции Владика и других приятелей; вместе они садились на задние парты и смотрели интересные видеоролики или же обсуждали что-то. Преподаватели если и порицали подобное поведение у студентов, но не открыто. Вслух лишь просили быть малость тише и иметь уважение к остальным учащимся, в виду того, что некоторым из них действительно хотелось узнать что-то новое.

После окончания учебного дня шла вереница увлекательных событий, наполняемая музыкой, ароматными паровыми коктейлями, игрой в приставку и азотными шариками. Дружище Владик испытывал самые нежные чувства к тем самым шарикам. Бывали случаи, когда на какой-то вечеринке, он мог пролежать на полу несколько часов подряд в обнимку с баллоном. Пока все остальные, включая Браницкого, наслаждались более изысканными удовольствиями.

Бары встречали юных последователей Аль Капоне не менее приветливо, чем университеты.

– Я никогда, клянусь! – орал Браницкий на ухо своему новому другу Арсену, – никогда не буду дуть, как Кошелев! Только бухать!

Но все же вдыхал теплый азот и уносился в мир, полный смазанных неоновых картинок – полуголых женских тел и моря дорогого алкоголя, в котором Браницкий с наслаждением растворялся.

Иногда его дергало, словно током, он бросался в танцующую толпу и принимался бесноваться в такт музыке.

Предприимчивые бородатые ребята угрожающей наружности пытались обчистить карманы Александра. И сказать честно – пару раз им это удавалось, но Браницкий этого не помнил, в силу своего безвольного состояния. Зато, когда однажды, другой не менее бородатый гражданин, назвавший себя Орханом, вмешался и не позволил им этого сделать, Браницкий приписал эту маленькую победу на свой счет. Лица своего благодетеля он не запомнил, но зато рассказал всем знакомым о том, как избил трех человек, значительно превосходящих его в силе.

Многие тихонько посмеивались и переглядывались в процессе повествования, поскольку знали об истинном положении вещей. Но травмировать самолюбие кудрявого принца никто не решался.

Так, играючи, легко сентябрь рассыпался ярко-красными кленовыми листьями октября, явив золотое начало месяца дождливой погодой и ледяными ветрами.

Учеба постепенно наскучила, и Браницкого одолело незнакомое доселе беспокойство. Беспокойство это сменилось плохим настроением. Ощущение смутной неопределенности крепко засело в его мыслях, все сильнее загоняя Александра в неприятное состояние, избавиться от которого можно было лишь с помощью наркотиков. Препараты немного облегчали симптомы депрессии, но не подавляли её.

Он мог часами валяться на диване в гостиной, слушая музыку и пытаясь заснуть. Однако просторный янтарный зал опротивел ему после того, как Браницкий стал отождествлять его с событиями ночного кошмара. Странные сны повторялись с завидной регулярностью и в какой-то момент стали приходиться каждую ночь.

Постоянно один и тот же образ преследовал его, лишая сил и покоя. Костлявый слепой юноша с уродливыми шрамами являлся Браницкому в каждом сне. Страху Александр не испытывал, его просто не было. Но всепоглощающая тоска все сильнее и сильнее охватывала его при виде этого человека. Тоска непонятная, неподкреплённая какими-либо доводами, с точки зрения высококвалифицированного психолога.

– Я устал, – бурчал он, сидя в мягком кресле напротив субтильной женщины располагающей наружности, – мне лень все это.

– Александр Григорьевич, – она мягко улыбалась и проникновенно заглядывала ему в глаза, всеми силами демонстрируя участие и сочувствие. – Сейчас вы не пытаетесь уйти от проблемы, а наоборот погружаетесь в нее. Как я говорила ранее, это неплохо, но не в вашем случае. Вы слишком эмоционально подавляете себя, даже судя по вашим рисункам..., – она встала, зашуршав элегантными расклешенными брюками, и ненадолго ушла в соседнее помещение.

Вернулась женщина, держа в руках стопку листов А4.

– Посмотрите сами, – она положила перед ним первый рисунок, – здесь я просила изобразить то, что вызывает у вас наибольший комфорт, вернее место, где вы чувствуете себя в безопасности. Вы нарисовали, как я понимаю собственную спальню, что говорит о глубокой привязанности к дому, что радует.

– Угу, – Браницкий только краем глаза посмотрел на собственное художество.

– Но затем, – психолог, положила перед ним следующий рисунок – вы изобразили это.

В центре композиции находился маленький человечек с кудрявой головой, окруженный водоворотом из разноцветных нитей и предметов, среди которых были даже орудия убийства, направленные в сторону фигуры.

– Это моя жизнь, да, – Браницкий помассировал лоб рукой, прикрывая глаза, – так я ее представляю.

Женщина тактично промолчала и показала следующий рисунок.

– Ой, нет, – он завертел головой и зажмурился, – уберите его от меня! Не хочу опять видеть этого уродца, тошнит уже от этой кривой морды. Хочу, – продолжил он дрожащим голосом, – хочу, чтобы это закончилось. Мои сны странные, я погряз в них как в зловонном болоте; когда я вижу этого человека, мне становится страшно, до костей пробирает, чертов страх. Но при этом он мне интересен, я снова и снова смотрю на него, хочется подойти к нему и спросить: «Что тебе от меня нужно». Улыбка кривая у него, никто так не улыбается... это неправильно, он сам по себе фальшивый. Урод!

Психолог убрала рисунки со стола и предложила ему чашку чая или кофе, но Браницкий отказался.

– Подумайте, о чем говорит данный образ? Связан ли он с конкретным человеком из жизни или же это просто совокупность различных эмоциональных откликов на определенные ситуации? Подсознание может выдавать их за человека, причем, – она сделала паузу

и заговорила тише – человек необычный, экзотической наружности и с физическими дефектами. Это...

– Крайне интересно вам, как специалисту, я понимаю, – Браницкий зевнул, – но я так устал.

IX

Осеннее небо над столицей затянули пасмурные тучи; холодные потоки дождя обрушились на Москву. Это сказывалось не лучшим образом на самочувствии и душевном покое Александра. Его общение с Кошелевым постепенно пошло на спад. Первым сигналом послужил неожиданный визит Юры, который молча передал Владу ключи от черного «Ламбо» и сообщил о том, что заветный ониковый монстр стоит на подземной парковке. Сказав это телохранитель молча ретировался, игнорируя вопросы Кошелева на предмет того, почему его названный «брат» сам не сообщил ему эту новость, и на какой срок машина останется в его пользовании. Звонки Влада остались без ответа, но зато пришло весьма скупое СМС с одним единственным словом «дарю». Сам же Браницкий окончательно пересел на заднее сидение «майбаха» и зарекся в ближайшее время самостоятельно управлять автомобилем.

Сны не оставляли Александра. Теперь их содержание изменилось; серое пространство угрожающе потемнело до грязно-чернильного цвета. Тени за мутными стеклами сделались более отчетливыми, а число их возросло в несколько раз. Браницкому казалось, что толпа безликих людей окружает его со всех сторон, создавая кольцо, которое постепенно сужалось. Жижа под ногами загустела и утратила серебристый оттенок, напоминая черный мазут. Слепой более не хватал за руку Браницкого, при его попытке прикоснуться к нему. Когда Александр дотрагивался до изуродованного лица, то пальцы его проходили сквозь кожу незнакомца, словно погружаясь в мягкое масло. Он с ужасом отдергивал руку и понимал, что пальцы и ладони его испачканы алой тягучей субстанцией, в которой он не без труда узнавал кровь.

Браницкий окончательно замкнулся в себе и все больше времени проводил, закрывшись в собственной спальне, игнорируя общение с кем либо. Психологи больше не помогали, антидепрессанты он забросил пить, так и не закончив курс.

– Я устал, – повторял он раз за разом, глядя в лицо матери, которая иногда приходила проведать его, – понимаешь? Я устал сильно.

Мать молчала и трепала его за волосы, шептала слова утешения и обещала поговорить с отцом на эту тему. Затем торопливо спускалась по лестнице, садилась в белый Porsche Cayenne и уезжала по своим делам, оставляя сына наедине с тревожными мыслями.

– Отнимать здоровый сон могут только крысы, – ворчал Браницкий, приподнимая голову с парты. – Сдохните! Ненавижу вас!

Он проигнорировал вопрос преподавателя по экономической теории и вновь попытался заснуть. Стоило ему прикрыть глаза, как сознание его померкло, и Александра затянуло в водоворот беспомощности.

На этот раз сон был удивительно ярким. Он стоял на каменной мостовой, чувствуя холод босыми ступнями; над головой клубились грозные тучи, угрожающе сверкали молнии, сопровождаемые отдаленным грохотом. Сильный ветер доносил крики черных птиц, паривших над головой Браницкого. Сквозь толщу тумана проступали массивные очертания горных склонов, тонувших в голубоватом лесу.

Обернувшись, Александр увидел слепого метрах в десяти от себя, он стоял вполборота к нему.

– Эй! – крикнул Браницкий, подбегая к нему.

Но тот лишь молча развернулся и зашагал в сторону города, который Браницкий почему-то заметил только сейчас.

По виду его очертания имели отдаленное сходство с античными кварталами в Афинах или же напоминали размашистый пейзаж абхазской деревушки, но в то же время архитектура была крайне своеобразна. Большинство построек глиняные, лишённые оконных проемов, отделенные невысокими стенами дворики с цветущей зеленью выглядели уютно и гостеприимно. Системности здесь не наблюдалось; хаотично разбросанные дома, то теснились у края извилистой грунтовой дороги, то отдалились от нее на добрые двадцать метров. Людей не было совсем, возникало ощущение, что они разом покинули дома и улицы, побросав незаконченные дела. Где-то кудахтали беспокойные куры, блеяли овцы: в одном дворе Браницкий заметил накрытый стол, сервированный керамической посудой. Оттуда исходил запах жареной на огне баранины и ни с чем не сравнимый аромат свежее испеченного хлеба.

– Ну и? – Саша подбежал к слепому, – объясни, что это значит? Где мы?

Слепой предпочел проигнорировать вопрос Браницкого и продолжил свой путь в сторону центральной части города, Александру же не оставалось иного выбора, как последовать за ним. По мере продвижения строения делались выше и богаче, дорога расширялась, обретая твердое мощеное покрытие из странного светлого камня. Браницкий заметил, что все это время они идут явно в гору, причем наклон земли был весьма значительным, до такой степени, что кое-где приходилось подниматься по редким ступеням. На ум Александру пришла неожиданная догадка, которую он решил проверить; найдя глазами довольно высокий выступ в стене, он не без труда поставил туда ногу и вскарабкался на широкое ограждение, усевшись на него верхом.

Немного с опаской он посмотрел вдаль, в сторону того места, где начинался их путь. Там, на окраинах старого города, далеко за горными хребтами, пространство меркло и размывалось, точно также как и в предыдущих снах Саши. Невидимые мутные щиты запредельной высоты загораживали линию горизонта, делая невозможным увидеть то, что находилось за ними. Он огляделся вокруг, так или иначе, проклятые стекла были видны повсюду.

– Пресвятая Богородица... – прошептал Браницкий себе под нос, – я, конечно, атеист, но это явная чертовщина, никогда не мог представить, что такое возможно.

Неприятный холодок пробежал по спине, увиденное не поддавалось словесному или письменному описанию. Нечто ужасающе-древнее и загадочное грезилось ему в этих расплывчатых массах. Тьма горела проклятым первобытным огнем, чем дальше он вглядывался в пламенные завихрения, тем больше подступали незнакомые прежде чувства, не принадлежавшие ему.

Он потряс головой, сгоняя морок, и попытался найти слепого. Тот стоял на том же месте, не двигаясь, явно дожидаясь Браницкого. Саша слез со стены и подошел к нему почти вплотную.

– Может ты, все-таки, соизволишь ответить, какого хрена здесь происходит?

Слепой что-то пробормотал на неизвестном наречии, улыбнулся и продолжил свой путь, делая вид, что не замечает разъяренного попутчика.

Х

– Охренеть, – только и мог выдавить из себя Браницкий, разглядывая огромную толпу, поджидавшую их на центральной городской площади, – так вот вы где!

Их было немало, порядка двух тысяч; в глаза бросались их грубые бледные лица, словно высеченные из камня и обточенные ветром. Несмотря на общую разношерстность, проявляющуюся в наличии немощных стариков, юношей и даже младенцев – они были удивительно похожи между собой, как одна большая семья или даже нация. Крупные носы, глубоко-посаженные глаза, сурово очерченные губы делали их вид свирепым. Одежда их была довольно примечательная; пестрые накидки с вычурным орнаментом вышивки, преимущественно синих и песочных цветов, изредка преобладал красный. Массивные нагромождения ожерелий и браслетов встречались одинаково у обоих полов. Головы женщин покрыты на арабский манер, волосы у всех темные, изредка русые, заплетенные в сложные косы. То же относилось и к некоторым мужчинам, в чьих длинных бородах виднелись похожие элементы плетения. Некоторые из них носили странные шапки с ювелирными вкраплениями, придававшими их хозяевам схожесть с тем или иным животным. Чаще всего, головы мужчин венчали золотые бычьи или оленьи рога, что, вероятно, служило знаками высшего отличия.

Лишь в самых крайних рядах Александр заметил небольшую группу, резко отличающуюся от остальных. Они стояли обособленно; облаченные в белоснежный шелк женщины, чью бесспорную красоту скрывали многочисленные слои газовой ткани, статные мужчины, в серебристых и черных кафтанах, но с открытыми лицами. Сашу поразила удивительная белизна их волос и кожи, сопоставимая лишь с лунным сиянием, его глаза даже начали немного слезиться от длительного созерцания столь чарующей красоты. Ему даже захотелось прикрыть глаза рукой, словно при взгляде на солнце.

Толпа безмолвно расступалась перед ними, каждый, кто находился близко к слепому, почтительно кланялся, опуская глаза. Никто из людей не произносил ни слова, будто все они были напрочь лишены способности говорить. Браницкий следовал за своим спутником, внутренне содрогаясь от столь гнетущей обстановки. Ему казалось, что единственным звуком было его собственное дыхание, звучащее слишком громко.

Он не заметил, как оказался у подножья широкой белокаменной лестницы, ведущей к исполинскому монументу в виде орлиного крыла. Как Браницкий ни старался, но он не мог оценить его высоту, достаточно лишь сказать, что вершина крыла не попадала в поле зрения, а само изваяние наводило ощущение величия, рядом с которым кремлевские башни казались ничтожно малыми. Крыло отбрасывало гигантскую тень, закрывая дневное светило, оно давило на Браницкого своей мощью, отчего его ноги слабели, и сердце начинало биться с удвоенной силой. Но все же он продолжал следовать за слепым, игнорируя дурное предчувствие.

Они взошли по ступеням и остановились у самого подножия монумента. Слепой дернул головой, и, цокая языком, медленно повернулся лицом к собравшимся. Браницкий встал подле него, только сейчас осознавая, что сам он не является прямым участником происходящего; вероятно, для всех собравшихся он оставался незаметным.

До ушей Браницкого донесся отдаленный бой барабанов, звук этот казался ему диким и угрожающим, странный ритм откликался в нервах, раздражая их до предела. Слепой же медленно поднял правую руку, скрестив большой палец с мизинцем. Толпа тут же повторила его жест, сохраняя при этом полное молчание. Далее он вскинул левую руку, согнув большой под

ладонью, остальные же пальцы были прямыми, этот жест был так же повторен, после чего барабаны разом смолкли.

Это послужило сигналом к тому, чтобы толпа завопила хором и рухнула ниц; словно живой океан из людских тел беспокойно всколыхнулся и обрушился пенной волной на каменистый берег.

– Горе пришло за нами! – кричал кто-то визгливым голосом, – смерть стоит на пороге тысячелетия, я чувствую ее зловонное дыхание за своей спиной, я слышу скрежет ее железных когтей!

– Желание свободы ослепило нас, – вторил женский голос, – десять веков мы чтим твои заветы, о, Нинурта! Мы преклонялись перед твоей мудростью, бережно хранили память о том, кто подарил новую жизнь детям Лагеша.

– Теперь же, алчность и невежество овладели потомками твоих сыновей. Потерявшие всякое достоинство и благоразумие гордецы недостойны ступать по этой земле, – старческий голос звучал громче всех остальных. – Мы требуем правосудия! Ednam Va Lagesh!

– Ednam Va Lagesh! Ednam Va Lagesh! Ednam Va Lagesh! – надрываясь, прокричали все они, простирая руки к небу.

Слепой предупреждающе выставил вперед ладонь, заставляя их замолчать. Он выдержал небольшую паузу и впервые заговорил сам. Голос его звучал тихо, но при этом проникал в глубину сознания каждого из присутствующих. Саше показалось, что каждое слово, произносимое им, раскаленным железом отпечатывалось в его мыслях так, что избавиться от воспоминаний об этих словах он никогда не сможет.

– О, народ Лагеша, мои горные орлы, которых я взрастил, как заботливый родитель воспитывает своих любимых детей. Вы ли клялись мне в истинной верности, вы ли молились за меня?

Толпа согласно загудела.

– Я тот, кто охраняет покой каждого из вас, тот, кто живет, и будет жить до тех пор, пока сердце последнего горца не остановится, я буду хранить вас под этим солнцем и править народом Лагеша, однако... – он заговорил тише, – многие из вас проявляют недовольство. Я хочу, чтобы один из вас вышел ко мне и говорил за всех.

Люди замешкались, явно решая, кто из них наиболее достоин чести говорить со слепым, чье имя звучало, как Нинурта. После недолгой заминки вперед вышел юноша, при виде которого Браницкий пискнул и осел на землю; несколько раз закрыл глаза и протер их руками, но зрительный коллапс не желал исчезать.

По ступеням широкой лестницы поднимался темноволосый, бледнолицый красавец, чья походка была преисполнена достоинством и грацией. Его глаза горели огнем решимости и отчаянного безумства наглеца, способного дерзнуть Благословенному. Облаченный в свободный белый кафтан, украшенный черными узорами и такие же белые штаны с сандалиями, он шел спокойно, придерживая рукоять кинжала, закрепленного к бедру.

И все же, никакая в мире одежда, или иная мишура не помешала Браницкому признать в незнакомце самого себя.

XI

– Подойди ближе, Каим Эхнади, – слепой поцокал языком, – ты стоишь слишком далеко, и я не могу увидеть тебя.

В толпе послышался слабый ропот.

– Он знает его! Он знает его! Слепой Нинурта ведаёт все о каждом из нас!

Человек, названный Каимом Эхнади, не показал замешательства, лишь слегка покачнулся, услышав свое имя. Он поднялся до самого верха, и когда до слепого оставалось всего несколько шагов, он остановился и опустил на одно колено, склонив голову.

– Еще ближе, – прошептал Нинурта, протягивая руки в сторону, где находился Каим, – я чувствую тебя.

Юноша последовал его приказу, подойдя к нему, почти вплотную. Слепой принялся ощупывать его лицо костлявыми пальцами, одобрительно цокая и шепча что-то на непонятном языке.

– Воистину, твои товарищи не ошиблись в своем выборе, ибо в тебе я вижу истинное мужество, не отягощенное трусостью и жадной наживы. Ты достойный сын горного народа, Каим Эхнади, расскажи же мне то, что имеешь на сердце.

– Для меня нет большей радости, чем просто стоять подле тебя, о, Нинурта! Твоя похвала вызывает ликование в моей душе, ибо я никогда не думал, что имею право получить её. Я преклоняюсь перед твоей мудростью и без промедлений отдам жизнь по твоему приказу, О, Нинурта! Но, – голос его зазвучал иначе, – есть вещь, о которой я должен рассказать тебе. Несколько лун назад, мне лично довелось видеть, как один из самых ярых последователей твоего культа совершил, то, что не дозволено.

Слепой хищно оскалился и кивнул:

– Мне известно кто он, однако, продолжай.

– Прикрываясь твоим именем, этот человек жестоко расправился над семьей из Южного квартала, он... не пощадил ни малолетних детей, ни стариков.

– Он окропил их кровью мой алтарь и заставил окружающих молиться за меня, – закончил Нинурта зловещим шепотом, – и ты пришел просить о его смерти, ибо так хотят все остальные.

– Все верно, – Каим почтительно склонился, – этого желает большинство, чтобы решение твое относительно его наказания было справедливо и сурово.

В толпе послышались одобрительные крики.

Слепой снова предостерегающе поднял руку, успокаивая собравшихся.

– Он самый преданный мой последователь, тот, кто поставил служение мне превыше собственной жизни и человеческого достоинства.

– Мы все его знаем, о, Нинурта, – завопил кто-то, – и более того, сейчас преступник находится среди нас! Имя его – Аремус Гейрт!

И вдруг все разом смолкли. Как будто уши Браницкого заложило ватой; он видел, как беснуется толпа, как открываются их онемевшие рты, но самого звука он не слышал. Лишь

монотонный, нарастающий скрежет металла по металлу доносился до его слуха сквозь этот вакуум. Взгляд его обратился на слепого, лицо которого сделалось странно – мечтательным, он открыл рот и произнес единственную фразу, которую Браницкий смог услышать.

– Иди сюда, Аремус.

В такой же тишине люди расступились, выпуская невысокого мужчину лет двадцати пяти. Одежда на нем была помята и изорвана, кое-где проступали кровавые пятна; сам он светлокожий, с хорошо развитой мускулатурой, волосы и борода черные. Он бешено скалился и озирался по сторонам, тяжело дыша, немного согнув спину, будто готовясь тут же наброситься на любого из окружающих и вцепиться ему в глотку.

Взгляд этого человека не понравился Браницкому, было в нем что-то, выдававшее звериную сущность. Только так смотрят хищники, пусть и готовые к последней схватке с врагом, превосходящим по силе. Помимо этого в нем читалась непомерная преданность, граничившая со слепым фанатизмом.

Он поднялся по ступеням и упал на колени перед слепым, припадая к его ногам.

– Я благодарен тебе за то, что ты не позволишь мне умереть связанным и приведенным к тебе насильно, словно скот, – его голос очень низкий и глухой, под конец дополнился рычащими нотками, – этим ты оказал милость своему рабу. Ты есть высочайшая справедливость.

Нинурта едва заметно кивнул, и Гейрт приподнялся.

– Лишь самая горячая любовь делает человека безумным, Аремус, вина твоя неоспорима и подтверждена всеми собравшимися. Впервые за всю историю Лагеша, ты пролил невинную кровь ради того, кто отрицает всякое насилие, прикрываясь моим именем, ты утолял собственную гордыню и жажду убийства. Признаешь ли ты это?

Гейрт молча кивнул, глядя на слепого с неимоверной тоской, при этом слабо улыбаясь:

– Я не поступил бы так, не желай ты этого, но я готов принять смерть от тебя, если ты так рассудил.

Нинурта не ответил и легко коснулся лица Аремуса, невесомо проведя по коже пальцами, чувствуя холодную влагу одинокой слезы, пробежавшей по щеке Гейрта.

– Прости меня.

Едва слепой прошептал эти слова, как Гейрт тяжело осел на пол, хватаясь рукой за сердце. Несколько мучительных минут он корчился в агонии, тяжело хватая ртом воздух и хрипя, но мучение это продлилось недолго. Вскоре человек, носивший имя Аремус Гейрт был мертв.

Браницкий успел поймать на себе удивленный взгляд Каима Эхнади, который казалось бы, заметил его рядом со слепым, но понять этого он не успел. Тьма поглотила его, унося прочь из странного города, окруженного стеклянной ловушкой, где не менее странный слепой царь, носящий имя Нинурта, вершит людские судьбы и правит своим народом на протяжении тысячелетия.

XII

Пробуждение было крайне неприятным. Браницкий с трудом разлепил веки и тут же застонал от сильной боли, пронзившей затылок. Голова гудела так, будто по ней несколько раз ударили чем-то очень тяжелым. Он хрипло прокашлялся, чувствуя жжение в пересохшей глотке.

Картина перед глазами сформировалась не сразу, первое, что он увидел, было желтым пятном, принявшим форму люстры, слева мерцали отблески каминного огня. Не без труда Саша определил, что находится в собственной спальне. Он чувствовал онемение в конечностях, попытавшись пошевелить пальцами, обнаружил катетер капельницы в правой руке.

– Марина, – слышно проскулил он, – Марина, сюда!

Но отклика на зов не последовало. Но, спустя несколько минут, когда Браницкий снова стал погружаться в беспамятство, дверь распахнулась и в комнату впорхнула сама Татьяна Сергеевна, облаченная в домашнее платье вишневого цвета.

Женщина в нерешительности подошла к постели сына и присела на самый краешек, глядя на Сашу скорбными глазами, в которых уже проступила очень уместная в данной ситуации влага.

– Алекс, – она прижала ладонь к губам, – мой бедный мальчик, как же я волновалась!

Она всхлипнула и прикоснулась к его лбу.

– Ты весь горишь, мой маленький.

Несмотря на крайне бедственное состояние, Браницкий нашел в себе силы поморщиться и закатить глаза.

– Что со мной?

Мать смахнула срезом ладони и сжала губы.

– Было очень нелегко, но все же нам удалось перехватить тебя по дороге в больницу, куда тебя отправили на скорой, прямо из университета. Эти изверги, они... хотели положить тебя в общую палату. Моего сыночка хотели погубить, – голос ее дрожал, – но, слава богу, Виктор Соломонович предотвратил это. Состояние твое было ужасным – подумать только, свалился в обморок во время занятия, кричал что-то бессвязное, кровь пошла изо рта, – она снова вытерла слезу, – а потом горячка.

– Сколько я так лежу? – Браницкий уныло глядел в потолок немигающим взглядом.

– Неделю, – Татьяна Сергеевна уже не сдерживала рыдания.

– Мне страшно, мама, – сказал он, не меняя интонации, – кажется, я давно обезумел и дальше будет только хуже. Такое чувство, – он перешел на шепот, – что скоро я умру.

Мать вскочила, не в силах более выносить свалившееся на ее хрупкие плечи горе, в виде больного сумасшедшего сына и бросилась прочь из комнаты, отчаянно всхлипывая.

Браницкий лишь пренебрежительно фыркнул и повернулся на бок, стараясь очистить сознание от тяжелых неопределенных мыслей, вызванных головной болью. Сон окутал его мягким покровом, явив новые сцены оживающих кошмаров.

На сей раз видение предстало перед ним в облике ночного Лагеша, освещаемого тысячами маленьких огней. Сам Александр снова стоял на том же месте, где Аремус Гейрт испустил последний дух, только никого рядом с ним сейчас не было. У подножья лестницы толпились люди, что-то громко и возбужденно крича, сотрясали факелами и грозили кулаками в сторону, где находился Браницкий.

Затем, повинаясь какой-то невидимой команде, все разом замолчали и стали расходиться по периметру площади, образывая полукруг. Приглядевшись, Саша понял, что они образуют символ, походивший на то самое крыло, возвышавшееся за его спиной.

Люди медленно шагали, покачиваясь, будто в трансе и пели странную песню, понять значение которой Браницкий не мог, ибо язык этот он слышал впервые, но мотив ее показался ему знакомым. Хор постепенно набирал силу и звучал зловеще.

Саша решил подняться на постамент крыла, чтобы увидеть картину целиком, приглядевшись, в толпе он с удивлением узнал старика и девушку из первого кошмара. Они находились ближе всего к основанию лестницы и шагали вместе со всеми. Слепого же нигде не было.

Пройдя несколько кругов, колонна остановилась и рассыпалась в хаотичном порядке, образовав пустое пространство вокруг одного человека. Саша сразу признал в нем того самого Каима Эхнади, чьи плечи на сей раз крайне торжественно украшал алый плащ, подбитый черным мехом. На голове его была такая же черная меховая шапка, но лишенная каких-либо отличительных знаков. При этом следы усталости и печали явно читались на его бледном лице:

– Много бессонных ночей минуло с того дня, как я говорил с тобой, о Нинурта! – закричал он. Егослова эхом прокатились по каменным стенам домов и затихли в холодном безмолвии, – помнишь ли ты, о чем я умолял от имени всех жителей Лагеша? – не сдавался он, – после казни безумцаГейрта, я осмелился спросить тебя о свободе!

XIII

Толпа взорвалась гулом одобрения, вопль тысяч людей оглушили Браницкого.

– Ты обещал дать своей ответ, не позднее, чем через 2 цикла луны, но наступил уже третий! ОНинурта, величайший из живущих; много столетий мои предки преклонялись пред тобой, следовали твоим наставлениям, превознося перед небом и солнцем. Жили и умирали ради тебя!

– И это правда, – хором подтвердили люди.

– Отказавшись от настоящей жизни, добровольно заточили себя в склепе из стекла, что отражает всю грязь и боль, происходящую снаружи. Никто из нас не ведает о том, что там! – он указал рукой в сторону гор, – возможно, мир изменился настолько, что окажется непригодным для жизни, и, ступив туда, мы тот час, же умрем.

– Ложь! – вскрикнула знакомая Браницкому девушка, – клянусь, что это не так!

Стоявший рядом старик грубо одернул её, заставляя замолчать.

– Пусть Ариадна говорит, что знает, – подал голос кто-то из толпы.

Каим согласно кивнул.

– Не препятствуй ей, – обратился он к старику, – сейчас не то время и не та ночь, чтобы опасаться за кого-то.

– Мне известно не так много, – начала Ариадна, потупив глаза, – но мне довелось услышать разговор между двумя старейшинами Ксана, они говорили о прекрасном и одновременно смертельно – ядовитом мире, воздвигнутом на новой земле. Тысячи зловонных городов, бескрайние земли, населенные людьми, каждый из них борется за жизнь с отчаянием. Ибо с ними нет того, кто способен защитить их, как слепой Нинурта защищает нас, их... – она осеклась, – их никто не любит.

– Но, все же, ты говоришь о том, что это место может быть желанно для нас? Каим подошел к ней.

– Да! – она вскинула голову и заглянула ему в глаза, – потому, что их жизнь настоящая, и каждый из них способен думать за себя.

Каим недолго молчал, продолжая смотреть на Ариадну, явно принимая решение. Он повернулся в сторону монумента и еще раз воскликнул.

– Явись к нам, оНинурта! Ибо пришло время говорить с потомками тех, кто доверил тебе свои жизни!

Долгие минуты стояла тишина. Браницкому казалось, что время замедлилось в десятки раз и течет лениво, с неохотой, будто пытаясь отсрочить неизбежно подступавшую беду. Он пристально смотрел на лица людей, озаряемые всполохами факелов. Все они столь одинаковые и серые виделись ему обитателями чистилища, чьи останки давно истлели, а души продолжают вечное существование, претерпевая муки в заточении, все еще питая надежду на иной исход.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.